

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

ТАЙНА, РАДИ СОХРАНЕНИЯ КОТОРОЙ
ВЫСШАЯ МОЖНО ПОЙТИ

ЛИГА ДЕТЕКТИВА НА УБИЙСТВО

ДНЕВНИК СЛУЖАНКИ

18+

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ **AMAZON.COM**

Лорет Энн Уайт
Дневник служанки
Серия «Высшая лига детектива.
Романы Лорет Энн Уайт»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70003558
Дневник служанки: Эксмо; М; 2024
ISBN 978-5-04-196235-7

Аннотация

Тайна, ради сохранения которой можно пойти на убийство.

Кит Дарлинг – служанка, которая любит совать нос в жизнь своих богатых клиентов. Это было безобидным хобби до того дня, когда Кит узнает страшную тайну пары, которая ждет своего первенца. Их репутация под угрозой. Они готовы на все, чтобы Кит унесла эту тайну с собой в могилу.

Мэллори ван Альст вызывают на место происшествия в роскошный дом на побережье. Она видит следы жестокого кровавого нападения. Почти нет шансов, что жертва жива. Но тела нет, хозяева и их горничная исчезли, а единственный свидетель – пожилая соседка, которая проснулась ночью от криков. Она последняя, кто видел Кит Дарлинг живой.

Лорет Энн Уайт – лауреат премий «Выбор литературных обозревателей» *Romantic Times*, «Национальный выбор читателей», «Лучшее произведение в жанре саспенс» и участник финала издательского конкурса *Bookseller's Best*.

В прошлом – журналистка и редактор СМИ, работала в Южной Африке и Канаде, но сейчас живет вместе с семьей на острове, недалеко от западного побережья Канады.

Когда Лорет не трудится над очередной книгой, она катается на лыжах, на велосипеде, уходит в радиальные походы вместе со своим псом (известным под кличкой Черный Зверь) или плавает в океане. Она называет это частью своей работы, потому что именно в такие моменты ее посещают блестящие идеи и сюжеты для новых книг.

Содержание

Как все закончилось	7
Безмолвные свидетели	10
Дневник	17
Женщина в окне	24
Мэл	32
Дейзи	39
Дейзи	49
Мэл	61
Дневник	73
Джон	88
Дневник	99
Мэл	108
Дневник	122
Джон	131
Человек с фотоаппаратом	144
Мэл	146
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Лорет Энн Уайт

Дневник служанки

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Марлин и Сиду

*Спасибо, что терпели меня и Хадсона все это
безумное пожароопасное лето.*

Люблю вас обоих

Как все закончилось

Ей казалось – она балансирует между сном и бодрствованием, плавно переходя из одного состояния в другое. Но нет, это был не сон... Внезапно она поняла, что не спит, что лежит вовсе не в своей постели и что ей грозит опасность... Паника жарко вспыхнула в груди, мешая дышать. Где она?!

Она попыталась сглотнуть, но в горле пересохло. Во рту стоял какой-то странный привкус. Что это может быть?.. Догадка пронзила, как удар электрического тока. Кровь. Это – кровь... Она вздрогнула, дыхание сделалось неглубоким и частым. В страхе она попыталась повернуть голову, но у нее ничего не получилось. Лицо закрывала грубая влажная ткань, руки были притянуты к бокам веревками. Она в ловушке. Она – в плену...

Только сейчас она ощутила боль, острую, невыносимую боль. Болело все. Ломило плечи. Ныли ребра. Тянуло в животе и саднило в промежности. Боль пульсировала в висках и затылке, а в крови бушевал адреналиновый шторм. Она открыла глаза, но ничего не увидела. Может, она ослепла? Новый приступ паники вонзился в мозг словно осколок стекла. Она хотела закричать, но звук получился глухой, почти неслышимый.

Где я?.. Что со мной?..

Нужно сосредоточиться. Нельзя паниковать, это опасно. Думай, думай... Вспоминай.

Но в голове по-прежнему стоял густой, плотный туман. Усилив воли она попыталась разогнать его вязкую пленку. Если зрение подводит, что скажут остальные чувства? Что она чувствует? Холод? Ступням очень холодно. Почему? Она попробовала пошевелить пальцами ног и ощутила воздух. Она босиком? Нет, боса только одна нога, другая обута.

Что еще?.. Кажется, она ранена. Тяжело ранена. Так, во всяком случае, ей подумалось. В затуманенный мозг медленно просочилось воспоминание: она кого-то отталкивает, пытается отбиваться, кто-то кричит, хватается ее, прижимает к земле. На нее напали – сейчас она это понимает. Напали, повалили, скрутили... Теперь она во что-то завернута – в штору? одеяло? ковер? – и ее куда-то везут. Она ощущала, как ее подбрасывает на ухабах, чувствовала мелкую дрожь поверхности под собой. Может, это работает какой-то двигатель? Да, точно – она слышала шум мотора. Она в машине? Да, ее везут в легковом автомобиле. Она лежит на заднем сиденье. С переднего сиденья доносятся голоса. Интонации напряженные, резкие... Кто-то спорит, настаивает, сердится... Сквозь голоса пробивается негромкая музыка – в машине работает радио. Ее куда-то везут.

Прошло немного времени, и она начала различать слова: – Бросить в укромном месте... Сама виновата... Весь ве-

чер напрашивалась... Он не виноват...

Ее разум снова соскользнул в темноту, но у нее уже не осталось сил бороться...

Безмолвные свидетели

31 октября 2019 г. Четверг

Канун Дня Всех Святых, на часах – без трех минут полночь. Над водой ползет плотный туман, с затянутого облаками неба сыплется мелкий дождь. Он оседает на крышу серебристого «мерседеса майбах», который сворачивает с шоссе на раскисшую грунтовку, ведущую к заброшенному зернохранилищу. Капли дождя сверкают в свете фар, лучи света упираются в основания ржавых силосов¹. Вот седан переваливает через ржавые рельсы и ползет дальше по ухабистой дороге, тянущейся параллельно берегу. Наконец машина останавливается в глубокой тени под мостом, который проходит над заливом, соединяя Ванкувер с Северным берегом. Фары гаснут. В темноте сквозь туман мерцают далекие городские огни.

В «мерседесе» сидят двое. В уютном и теплом, отделанном натуральной кожей салоне они чувствуют себя очень комфортно. По мосту над их головами потоком мчатся автомобили, но до них доносится лишь приглушенный гул и

¹ Силос – емкость цилиндрической формы для хранения зерна и других сыпучих материалов. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

ритмичный лязг конструкций, когда очередная машина проезжает по металлическим стыкам.

Мужчине и женщине в «мерседесе» некогда любоваться тем, как кружится у старого причала черная, как чернила, приливная волна. Они здесь для другого, и их желание почти достигло своего пика. Эта маленькая игра началась утром, во время делового завтрака, когда ее зятая в чулок нога легко коснулась под столом его лодыжки. Обсуждение юридических вопросов с представителями городского управления шло своим чередом, но желание уже вспыхнуло жарким пламенем, и его не смогли остудить ни последовавший за этим разговор о подробностях судебного иска на высшем уровне, ни официальный обед. Быстрый поцелуй в мужской уборной лишь подлил масла в костер похоти. И он, и она знали, чем все закончится. Быстрое, яростное соитие в машине, припаркованной в каком-нибудь безлюдном местечке. Дело даже не в сексе, а в предвкушении. Вот их главный наркотик. Риск. Опасность разоблачения добавляет остроты ощущениям, ведь они оба семейные люди и к тому же занимают в городе весьма высокое положение. Он – член законодательной ассамблеи, она – один из известнейших в городе адвокатов. Кроме того, у обоих есть дети.

Они всегда выбирают подобные места. Индустриальные руины. Сырые, покинутые, безлюдные, исчерченные граффити, заваленные мусором. Внушающие отвращение и в то же время обладающие своеобразной, болезненной привлека-

тельностью. Это было их «пунктиком» – незаконная любовь на фоне убогих декораций городской скверны. Контраст собственного богатства, известности, образования и возможностей с одной стороны и разрушающихся построек – с другой добавлял остроты их связи. Встречи в подобной обстановке делали их интрижку похожей на фильм в стиле «нуар», придавая плотскому наслаждению нечто почти изысканное.

Женщина сбрасывает туфли от «Сен-Лоран», рывком распускает узел красного галстука мужчины, нащупывает молнию на его брюках. Он торопливо расстегивает перламутровые пуговицы на ее блузке, задирает юбку, нетерпеливо рвет дорогие колготки. Перебравшись через «торпеду», женщина садится на него верхом, и он, закрыв глаза, негромко стонет от наслаждения. Внезапно она застывает. В тумане вспыхивают автомобильные фары – две пары автомобильных фар. Они приближаются. Их лучи пробивают в тумане длинные тоннели. Два автомобиля один за другим едут к заброшенным силосам, поворачивают, движутся к железнодорожной колее.

– Там кто-то... – говорит женщина шепотом.

Мужчина не слышит. Его глаза по-прежнему закрыты, он стонет и выгибается на сиденье, пытаясь заставить ее двигаться в одном ритме с ним, но женщина хватает партнера за руку и сжимает, призывая его замереть. Ее сердце бешено стучит.

– Две машины! – снова шепчет она. – Они едут сюда!

Мужчина открывает глаза, поворачивает голову к окну и резко выпрямляется на сиденье. Тыльной стороной ладони он протирает запотевшее стекло. Молча, почти не шевелясь, оба следят в окно пассажирской дверцы за тем, как фары неизвестных машин пересекают рельсы и медленно движутся вдоль кромки причала.

– Черт! – произносит мужчина негромко. – Это частный участок, предназначенный под реконструкцию. Здесь не должно быть посторонних, особенно в этот час.

– Наверное, это подростки, празднуют Хеллоуин, – шепчет женщина. – Или наркотики кто-то покупает.

Машины подъезжают ближе. Передний автомобиль меньше, чем тот, который движется следом, но туман, дождь и темнота мешают как следует рассмотреть их цвет и марку. Кроме того, обе машины подсвечены призрачным сиянием города на другой стороне залива, поэтому мужчине и женщине в «мерседесе» они кажутся размытыми, темными силуэтами. Впрочем, меньший автомобиль – хэтчбек – может быть желтым или бежевым, думает женщина. Вторая машина – серый или темно-синий седан.

На повороте дороги свет фар обоих автомобилей падает на волнующуюся черную воду, и та блестит, словно жидкий металл.

– Они едут прямо сюда! – говорит женщина.

– Нам некуда деваться, отсюда нет другого выезда, – отвечает мужчина. – Может, они нас не заметят...

Неизвестные автомобили уже совсем рядом.

– Что за черт!.. – Женщина быстро пересаживается обратно на водительское сиденье, подтягивает повыше порванные колготки и пытается найти и надеть туфли. Мужчина застегивает молнию на брюках.

– Погоди, кажется, они остановились, – говорит мужчина, и оба снова замирают неподвижно. Дверца хэтчбека со стороны водителя открывается, и из салона появляется высокая фигура. На дверцу нанесен какой-то логотип. Тем временем из седана выбирается второй человек: он полнее и ниже ростом. Их плащи блестят от дождя, лица скрыты капюшонами. Фары они не гасят. Моторы обеих машин продолжают работать, и выхлопные газы стелются над землей белесым облаком.

Туман густеет, закручивается вокруг двух фигур, которые открывают заднюю дверцу седана и вытаскивают из салона что-то громоздкое, похожее на свернутый в трубку ковер. Ковер падает на землю, и становится ясно, что весит он порядочно.

– Что они делают? – шепотом спрашивает женщина.

– В ковре что-то есть, – отвечает мужчина. – Что-то тяжелое.

Оба думают об одном и том же, но ни он, ни она не осмеливаются высказать свои мысли вслух.

Тем временем неизвестные волоком тащат свою ношу к краю заброшенного причала. Там они несколькими пинками

сбрасывают ковер в воду. Всплеск. Ковер ненадолго исчезает из вида, но потом снова появляется – светлым пятном он, кружась, плывет к мосту, куда тащит его приливное течение. Ковер погружается все глубже и наконец опять исчезает под водой.

Женщина нервно сглатывает.

В салоне «мерседеса» становится очень холодно.

Мужчина, похоже, вовсе перестал дышать.

Оба смертельно напуганы увиденным. Страх пронизывает их до костей.

Высокий человек в плаще торопливо возвращается к хэтчбеку. Просунувшись в салон со стороны водителя, он наклоняется под рулевое колесо и что-то делает. Минуту спустя хэтчбек начинает двигаться к воде, хотя за рулем никого нет.

– Боже мой! Они заблокировали педаль газа! Нужно убираться отсюда поскорее! – Женщина тянется к ключу зажигания.

– Нет! – мужчина перехватывает ее руку. – Не двигайся, пока они не уедут! Они могут убить нас, мы же все видели.

В ужасе оба глядят на хэтчбек, который как раз доехал до края причала. На несколько мгновений машина как будто замерла на краю, потом качнулась вперед и рухнула в воду. Ее осветили фонари с моста, и женщина увидела, что машина выкрашена в желтый. Узнала она и марку – «субару кросстрек». Точно такую же машину они с мужем подарили сыну

на восемнадцатилетие. Логотип на дверце тоже показался ей знакомым – она определенно видела его раньше, но где, при каких обстоятельствах, вспомнить не может. Вода смыкается над машиной, со дна поднимаются пузыри. Ключья слабо фосфоресцирующей пены дрейфуют по течению к мосту, но быстро исчезают. Ни на причале, ни на поверхности залива не видно никаких следов того, что здесь что-то сбросили в воду. Только мелкие волны пляшут у подпорной стенки, плывет туман да моросит дождь.

Двое неизвестных возвращаются к седану. Высокий садится за руль, низкорослый толстяк – на переднее пассажирское сиденье. Хлопают дверцы, и седан рвет с места, расплескивая колесами жидкую грязь. У железнодорожной колеи он притормаживает, полыхнув задними огнями, потом поворачивает к заброшенным силосам и исчезает в тумане.

Пассажиры «мерседеса» молчат, парализованные страхом. Оба знают, что должны позвонить в Службу спасения. Но звонить они не будут.

Они не расскажут об увиденном ни одной живой душе, ведь, если станет известно, что они были здесь, под мостом, на территории заброшенного зернохранилища в столь поздний (или ранний: пятница уже наступила) час, оба потеряют все.

Дневник

Ты только начни, сказала мне мой психотерапевт. Записывай все, что придет в голову, пусть даже это будет просто поток сознания, подробности какого-то совершенно ординарного события или того, что случилось с тобой в тот или другой день. Если будет трудно, попытайся понять, что тебя беспокоит, и пиши только об этом. Хотя бы об одной вещи, но пиши... Пиши о чем-то приятном. Пиши о том, что тебя злит, раздражает, пугает... Пиши о вещах, о которых ты никогда никому не расскажешь. И каждый раз, когда тебя посетит озарение, догадка, спроси себя – почему. Почему ты подумала так, а не эдак? Чего стоит тебе прощание с конкретной иллюзией? Спроси себя – почему, а потом запиши. Пиши до тех пор, пока тебе не захочется кричать, пока даже смотреть на написанное тебе станет невмоготу, или до тех пор, пока тебе не откроется что-то новое, доселе неизвестное. Тогда сделай перерыв. Подвигайся. Бегай, гуляй, плавай, танцуй, катайся на велосипеде. Делай это, пока тебя снова не потянет писать. Главное – начать, просто начать. Не усложняй, старайся выражать свои мысли предельно просто, и я обещаю – со временем дело пойдет само.

Ну вот, мой дорогой Дневник – мой эрзац-психотерапевт, я начинаю. Меня зовут Кит, Кит Дарлинг. Мне тридцать

четыре года. Не замужем. Веганка. Люблю животных и подкармливаю птиц.

Работаю уборщицей.

Моя страсть – любительский театр.

Моя суперсила – быть невидимой.

Да, это именно так. Это мой, если можно так выразиться, волшебный дар. Невидимая, я хожу по чужим домам, сметаю прах чужих жизней, привожу в порядок чужие микровселенные, чтобы при взгляде со стороны они выглядели совершенными. Я мою, чищу, полирую и в то же время – тщательно рассматриваю и анализирую всю информацию, которую только можно найти в домах и квартирах состоятельных и успешных. Я трогаю, обнюхиваю, завидую... иногда даже надеваю на себя чужую одежду или украшения. И вот что я узнала: совершенство – обман. Иллюзия. Тщательно выстроенный, но ложный нарратив, который вводит в заблуждение поверхностного наблюдателя. Образцовая семья, обитающая в роскошном доме по соседству – семья, которую вы вроде как хорошо знаете, – на самом деле совсем не такая, какой выглядит. У каждого члена этой семьи есть свои недостатки, пороки, секреты. Иногда – мрачные, даже ужасные секреты. И, как ни странно, именно я, уборщица, человек, который выносит мусор и отмывает грязь, имею доступ к самым сокровенным тайнам этих домов. Возможно, это потому, что меня считают тупой. Услужливой. Недостойной внимания. Просто приходя-

щая прислуга – что с меня взять?

На самом деле я не только мою посуду и таскаю по всем комнатам мощный пылесос. Я собираю информацию. Вынюхиваю. Сюю нос в чужие дела.

Это и есть моя основная проблема. Я поражена патологическим любопытством.

Ну а что? Разве не все мы чувствуем приятное возбуждение и даже удовольствие, когда видим что-то, не предназначенное для наших глаз? А тот, кто говорит, что выше этого, нагло врет. Мы все листаем соцсети, выискивая сообщения о крушении поезда или страшной автоаварии. И если находим такое сообщение, да еще и со снимками очевидцев, мы не в силах от него оторваться. Мы кликаем по ссылкам, которые обещают показать нам голливудскую звезду в чересчур откровенном купальнике, звезду без макияжа, звезду, затеявшую скандал в «Старбаксе». Стоя в очереди в универсаме, мы тянемся к таблоиду, который обещает поведать свежие подробности об интрижке британского принца.

Я занимаюсь тем же самым, только на другом, более высоком уровне. И благодаря этому моя жизнь проходит не так уж и скучно.

У меня даже разработана специальная методика, которая позволяет мне заниматься моими исследованиями и не попадаться. Приходя в чужой дом или квартиру, я выставлю на часах таймер и начинаю уборку. Я делаю свою работу достаточно быстро, чтобы у меня осталось время за-

глянуть в ящики комода, в стенной шкаф, в пыльный сундук на чердаке или просто в хозяйскую спальню.

Я знаю, где искать. Без особого труда я нахожу секреты, которые обитатели дома хранят даже друг от друга: жена от мужа, отец от дочери, сын от матери. Я вижу маленькие голубые таблетки. Шприц. Мятные леденцы и сигаретные окурки, спрятанные в треснувшем цветочном горшке в дальнем углу садового сарая. Початую бутылку текилы под белым в ящике в комнате подростка. Ссылки на порносайты в компьютере главы семьи. Тщательно запрятанную записку от недавнего любовника жены. Письмо из комиссии по условно-досрочному освобождению. Использованный тест на беременность, засунутый в мусорное ведро, которое я должна вынести.

Я вижу этих людей насквозь.

Я знаю обитателей этих домов как облупленных.

А вот меня они не видят. Не замечают.

Не знают.

Доведись мне столкнуться с кем-то из них на улице или в магазине, они вряд ли узнают меня – девушку, которая незримо присутствует в их жизнях. У меня нет имени и примет. Я – невидимка.

И меня это вполне устраивает. Я вовсе не хочу, чтобы меня заметили.

Во всяком случае – они.

У моей психотерапевтики есть какие-то теории, объяс-

няющие мое желание оставаться невидимой. Когда я сказала ей, что в чужих домах чувствую себя привидением, бесплотным духом, она спросила, всегда ли я была такой. Я не знала, что ответить, поэтому промолчала. Ее вопрос, впрочем, заставил меня задуматься. Однако после нескольких сеансов, на которых мы так и не сумели докопаться до сути моей «невидимости», она предложила мне вести дневник.

Мой терапевт, похоже, считает, что, изливая душу безопасным страницам дневника, в который никто никогда не заглянет, я сумею погрузиться достаточно глубоко в собственное бессознательное, которое весьма эффективно скрывает некоторые вещи от моего сознания (и даже от подсознания). Она совершенно недвусмысленно дала мне понять, что ни при каких условиях не станет настаивать, чтобы я познакомила ее со своими записями. Но я могу это сделать, если захочу сама.

– Только если смотреть на что-то достаточно долго и под правильным углом, Кит, – сказала она мне, – только тогда начинает проявляться подлинное изображение. Но для начала нужно найти что-то, на что ты будешь смотреть. Возможно, этим чем-то станут написанные твоей рукой слова. И даже если они покажутся тебе банальными или чересчур пресными, несообразными, стыдными или даже пугающими – не важно!.. Именно из текста, из массива слов вырастет твоя подлинная история. Главное, поста-

райся обойтись без самоцензуры, – предупредила она, – пока не разглядишь картину целиком, не поймешь, какая часть истории реальна, а какой следует пренебречь.

Еще она говорила, что весь процесс напоминает рассматривание двойственной картинки, двусмысленной фигуры – ну знаешь, как то самое изображение юной девушки, которая превращается в старуху, если перевернуть картинку вверх ногами. Как только это произойдет, наблюдатель уже не может не видеть лица старухи, оно там есть, и от этого никуда не деться. Оптическая иллюзия, построенная на смене перспективы.

Откровенно говоря, я очень сомневаюсь, что из юнгианских подвалов моей души может каким-то чудесным образом подняться на поверхность и вылиться на страницы дневника что-нибудь дельное, но... В общем, я начала писать тебя, мой дорогой Дневник. И кое-что о себе я уже сообщила. Да, я уборщица, вкалываю в клининговой компании и очень люблю совать нос в чужие дела. Возможно, даже слишком люблю. Да, я готова признать, что моя страсть в чем-то сродни наркомании. Я просто не в силах удержаться. А хуже всего то, что раз от раза моя зависимость только крепнет, заставляя меня рисковать все больше, а это может плохо кончиться. Именно поэтому я и решила обратиться к психотерапевту. Как говорит моя врач, в этом заключается мой запрос.

– А ты не боишься, – спросил меня недавно мой лучший

друг Бун, — что однажды зайдешь слишком далеко и выкопаешь что-то такое, чего уже не сможешь развидеть? Если ты вдруг наткнешься на тайну, которую кто-то очень хотел скрыть, тебя могут ждать серьезные неприятности. Многие люди, особенно богатые люди, пойдут на все, лишь бы защитить себя и свои семьи, — добавил он. — Даже на убийство.

Я похолодела от страха. Такой поворот как-то не приходил мне в голову.

— Ты должна быть очень осторожна, — добавил Бун. — У богатых есть власть. Возможности, о которых ты можешь даже не догадываться.

Еще он сказал, что я все чаще перехожу границы, что я стала беспечной, а это рано или поздно приведет к тому, что меня схватят с поличным. По его словам, мне нужно меньше рисковать и быть начеку.

Сначала я подумала, что Бун драматизирует, потому что... потому что Бун есть Бун. Меньше всего мне хотелось, чтобы он мешал мне получать удовольствие. И тогда я сказала, что люди, которые действительно хотят что-то скрыть, не стали бы приглашать к себе в дом посторонних.

Но теперь я в этом далеко не уверена...

Женщина в окне

31 октября 2019 г. Четверг

Бьюла Браун сидела в инвалидном кресле напротив широкого углового окна своей комнаты наверху. Сквозь разрыв в облаках проглянуло бледное утреннее солнце, и его лучи упали на лицо старой женщины. Они совершенно не грели, но солнышко есть солнышко. В мрачном, сыром и дождливым климате северо-западного тихоокеанского побережья каждое появление солнца было настоящим подарком – особенно сейчас, в сезон осенних дождей. Кроме того, Бьюла не знала наверняка, сколько еще раз ей суждено увидеть солнце. До следующей осени она точно не доживет.

Ее колени прикрывал клетчатый шерстяной плед. Рядом на маленьком столике стояла тарелочка печенья с лимонным кремом; в руках она держала фарфоровую чашку чая с молоком. Не раз Бьюла молча удивлялась, как у нее хватает сил удерживать чашку ровно и не проливать ее содержимое на себя. Рак стремительно сокращал ее жизнь, но для ее возраста руки у нее были достаточно крепкими и почти не тряслись. К счастью, до них болезнь пока не добралась.

Бьюла предпочитала угловое окно другим по нескольким

причинам. Во-первых, именно в него попадали первые лучи утреннего солнца, если оно вообще снисходило до того, чтобы показаться из-за облаков. Во-вторых, из этого окна были видны и принадлежащий соседям «Стеклянный дом», и залив, над которым поднималась грациозная зеленая арка моста «Лайонс Гейт», соединявшего Северный берег и Стэнли-парк с Ванкувером. Несмотря на ранний час, движение по мосту было уже довольно плотным. Люди во множестве спешили на работу, даже не подозревая, что пройдет совсем немного времени, и они точно так же будут сидеть в кресле-каталке и ждать смерти. Если, конечно, ничто не прикончит их раньше.

Пожалуй, погибнуть в автоаварии или быть жестоко убитой было бы даже предпочтительнее. Да, это будет больно, зато быстро... Так размышляла Бьюла, прихлебывая чай. Чай был едва теплым. Его приготовила приходившая по утрам сиделка – приготовила и оставила в термосе рядом с кроватью. Кстати, как она правильно называется – сиделка или няня? В последнее время так трудно разобраться во всяких терминах! Болтушка Кэти, ее патронажная медсестра из паллиативного отделения, сказала Бьюле, что сиделка имеет право недолюбливать больного, за которым ухаживает, так как она «просто сидит», а вот няня – с подопечным «нянчится».

Бьюла взяла с тарелки печенье и обмакнула в чай. Она думала о своем сыне Хортоне, который жил в ее доме на пер-

вом этаже. К матери он переехал якобы для того, чтобы заботиться о ней, но Бьюла знала: на самом деле он просто хочет заполучить после ее смерти дом. Недвижимость на побережье сильно подорожала за последнее время. Значит, Хортон не «няня», а «сиделка»... Или, того хуже, «социальный работник». Иногда Бьюле даже приходила в голову мысль: а не пытается ли сын каким-то образом приблизить ее смерть? Судя по тому, что она о нем знала, это было не исключено. Хортон был самым большим ее разочарованием в жизни.

Она откусила кусок размокшего печенья и задумалась о том, как поступит Хортон с фамильным сервизом, когда ее не станет.

Медленно жуя печенье, Бьюла бросила взгляд на залив Беррард и на скучившиеся там танкеры, ожидающие разрешения войти в порт. Потом ее внимание привлекло промелькнувшее на периферии зрения цветное пятно. Повернув голову, она увидела небольшой желтый «субару кросстрек» с голубым логотипом на дверце. Автомобиль свернул на подъездную дорожку «Стеклянного дома», и Бьюла улыбнулась, почувствовав, как у нее поднимается настроение. Это приехала уборщица. Старушка посмотрела на часы. И снова вовремя, даже на минутку не опоздала, подумала она с невольным уважением. Да, в наше время не так-то легко найти ответственную помощницу по дому.

Бьюла отставила чашку и, вооружившись мощным биноклем, предназначенным для наблюдения за птицами, напра-

вила окуляры на соседний дом – чудовищное порождение современной архитектуры, состоявшее, казалось, из одних окон с добавлением капельки металла и бетона. Внутри не было никакого движения – хозяева, наверное, еще спят.

Приходящие и уходящие соседи, люди, прогуливавшие вдоль волнолома своих собак, и спортсмены, катавшиеся по заливу на своих парусных лодочках, были единственным развлечением Бюлы, ее ежедневным реалити-шоу. В последнее время она даже стала записывать все их перемещения, чтобы доказать себе: все, что она помнит, имело место в действительности. Хортон постоянно твердил ей, что память ее подводит, утверждал, что она просто выдумывает многие вещи и события и что ее воображение, подпитываемое мрачными скандинавскими и британскими детективными шоу, переходит всякие границы. Действительно, «Вера» была ее любимым криминальным сериалом. «Шетланд» тоже неплох, но, быть может, ей просто нравится игра Джимми Переса. А есть еще «Валландер»... Она просто обожала несчастного душку Валландера!..

С трудом двигая скрюченными артритными пальцами, Бюла попыталась навести бинокль на резкость. Бинокль был сравнительно новым, и она еще не полностью с ним освоилась. Ага, есть!.. Бюла навела бинокль на хрупкую блондинку с двумя пучками, похожими на ушки, – она как раз вылезала из маленькой желтой машинки.

«Ну, привет, крошка!..» – подумала Бюла, мысленно ко-

пируя манеру своей любимой Веры. С помощью нового бинокля она наблюдала за уборщицей опытным взглядом полицейского, не упуская ни одной детали.

Уборщица была в форменной рабочей одежде: в розовой, как жвачка, рубашке-поло, практичном синем комбинезоне на лямках и белых спортивных туфлях с оранжевой полосой с каждой стороны. Черная бархотка на шее. Светлые волосы зачесаны наверх, два чуть растрепавшихся пучка торчат по сторонам головы, действительно напоминая кошачьи уши.

Из багажника уборщица достала пылесос «Дайсон», потом посмотрела наверх, на окно Бююлы, улыбнулась и помахала рукой.

Губы Бююлы чуть дрогнули в улыбке. Подняв скрюченную, в старческих пятнах руку, она помахала в ответ так дружелюбно, как только смогла. В течение нескольких мгновений они смотрели друг на друга, потом уборщица коротко кивнула и продолжила доставать из багажника инструменты и средства для уборки, которые в несколько приемов перенесла в «Стеклянный дом».

– Доброе утро, Бююла! – В комнату, чуть не приплясывая, ворвалась патронажная сестра с огромной сумкой лекарств и других медицинских принадлежностей. – Ну, как мы себя сегодня чувствуем? Как мы спали?... – продолжала трещать медсестра, маяча где-то сзади, так что Бююла не могла ее видеть.

– Я спала одна, – пробормотала Бююла, стараясь развер-

нуть кресло так, чтобы увидеть медсестру. Господи! Опять на ней этот кошмарный велосипедный костюм!

Сестра положила шлем и сумку на медицинскую кровать Бьюлы и принялась доставать приборы для контроля изношенного сердца пациентки и уровня кислорода в ее крови.

– Простите, что вы сказали? – переспросила сестра.

– Я сказала – я здесь одна. Никаких «мы»... И я уже давно сплю одна.

Медсестра хихикнула и зажала кончик пальца Бьюлы между губками пульсоксиметра. Сняв показания, она бросила взгляд на свой секундомер.

– Вы используете кислородный компрессор, когда спите?

– Нет.

– Напрасно. Он поможет вам повысить содержание кислорода в крови, а кислород – это энергия. Как ваши боли?

Остаток четверга прошел как обычно и был совершенно неотличим от долгой череды предыдущих дней. Прием лекарств по расписанию, визит сиделки, которая ее искупала, приготовила обед и заварила новый термос чая. Снова лекарства. Другая патронажная сестра и глубокая, без сновидений, дрема или, точнее, отключка, вызванная опиумсодержащими болеутоляющими. Третья сиделка, которая приготовила ужин. Новая порция мощных успокоительных на ночь. Они, впрочем, помогали плохо, поэтому Бьюла вынуждена была приподнять изголовье своей койки, чтобы легче дышалось.

Было уже довольно поздно, когда она все же сумела забыться тяжелым, наркотическим сном, но он продолжался недолго. Что-то словно толкнуло ее, и она резко открыла глаза. Ее ночная рубашка и простыни были мокрыми от пота. Снаружи шел дождь. Бьюла неподвижно лежала в темноте, прислушиваясь к стуку дождевых капель по подоконнику и вздохам и пыхтению кислородного компрессора в углу.

Что же ее разбудило?

Крик.

Бьюла была уверена, что слышала ужасный крик.

Женский крик. Именно он ее разбудил.

Ее старое сердце учащенно забилося. Бьюла знала, что не ошиблась. Крупные красные цифры на ее электронных часах с радио показывали 23:21.

Еще несколько минут Бьюла напряженно прислушивалась, надеясь уловить еще какие-то звуки. Ей хотелось убедиться, что крик ей не приснился. Хортон наверняка сказал бы, что она все вообразила, но – нет: Бьюла услышала, как стукнула деревянная садовая калитка по соседству, потом хлопнула дверца автомобиля. Напрягая все силы, она села на кровати и выдернула из носа пластиковую трубку. Задыхаясь и постанывая от боли, Бьюла нащарила в темноте инвалидное кресло и подтащила к кровати. Нажимая на кнопки электрического привода, она опустила кровать и перебралась на сиденье. Вряд ли этот трюк удался бы ей днем, но сейчас она испытывала прилив возбуждения, которое помогало ей

справляться с трудной работой. Бьюле так хотелось увидеть, что происходит снаружи!.. Обливаясь потом, она подъехала к угловому окну и уставилась на соседний двор. Как раз в этот момент там сработал датчик движения и на подъездной дорожке вспыхнули фонари. Потребовалось всего несколько мгновений, чтобы глаза Бьюлы приспособились к свету, а мозг охватил всю картину.

В том, что она видела, было что-то глубоко неправильное. Абсолютно неправильное. Она была уверена – произошло что-то ужасное.

Не мешкая ни секунды, Бьюла подкатилась обратно к кровати. Борясь с головокружением, она нашарила на ночном столике мобильный телефон и трясущимися пальцами набрала 911.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Детектив Мэллори ван Альст остановила свой автомобиль без опознавательных знаков перед дорожным заграждением. Опустив стекло, она предъявила полицейскому в форме служебное удостоверение.

– Доброе утро, сержант, – приветствовал ее полицейский, записывая фамилию Мэл в блокнот. – Удачи вам... Там, похоже, настоящая мясорубка.

С этими словами он сдвинул заграждение в сторону, и Мэл поехала дальше по улице, застроенной дорожными особняками, обращенными фасадами к океану. Перед одним из таких особняков, напоминавшим шкатулку из стекла, она увидела патрульные машины полицейского участка Западного Ванкувера с включенными мигалками. Возле машин совещались о чем-то несколько полицейских. В дальнем конце дороги уже собралась группа зевак, которых не пугал даже холодный ветер, раздувавший их волосы и плащи.

Мэл припарковалась позади фургона криминалистической лаборатории. Заглушив двигатель, она еще раз оглядела дом и участок в окно машины.

Особняк представлял собой один из ультрамодерновых «шедевров» архитектуры и состоял, казалось, сплошь из окон. Словно угловатый, сверкающий всеми своими стеклянными гранями феникс, он, несомненно, вырос из руин того, что, вероятно, было когда-то уютным коттеджем с уникальным внешним обликом, но, к сожалению, недостаточно старым, чтобы оказаться под защитой программы по охране архитектурного наследия. На столбе при повороте на подъездную дорожку была укреплена новенькая бронзовая табличка-указатель, на которой большими буквами значилось название особняка – «Нортвью». Подъездная дорожка была ограждена желтой полицейской лентой, которая выгибалась и трещала на ветру. Эксперты в белых комбинезонах и бахилах перемещались по размеченному пластиковыми табличками маршруту между домом и лабораторным фургоном. На заднем плане сверкала вода залива Беррард.

Напарник Мэл по имени Бенуа Салуму ждал у поворота. Он стоял совершенно неподвижно, производя крайне внушительное впечатление. В нем было не меньше семи футов роста, черная кожа блестела, словно твердое полированное дерево, и Мэл подумала, что он похож на статую, которую специально поставили здесь, чтобы охранять место преступления. Впрочем, в то, что здесь произошло преступление, поверить было трудно – в том числе и потому, что утро выдалось на редкость ясным, безоблачным и ветреным.

Одним глотком прикончив остывший кофе, Мэл отстег-

нула ремень безопасности и взяла с пассажирского сиденья сумку через плечо. В сумке лежали запасные перчатки, упаковка бахил, цифровой фотоаппарат, небольшая бутылочка с водой и другие мелочи, которые могли потребоваться при осмотре места преступления. Выбравшись из салона, Мэл замерла, сделав глубокий вдох. Так она сосредотачивалась. Настраивалась. Собиралась с мыслями. Подобная пауза была ей необходима – после тридцати с лишним лет службы в полиции Мэл с каждым разом становилось все труднее отсеять посторонние эмоции и сконцентрироваться. Похоже, даже полицейский способен выдержать лишь ограниченное количество несправедливости, порока и бессмысленных смертей.

– Привет, – поздоровалась она, подходя к напарнику. – Сегодня ты раньше меня. Неужто ребенок наконец-то дал тебе выспаться?

Бенуа кривовато ухмыльнулся.

– Когда это произойдет, ты узнаешь об этом первая, клянусь! Нет, не в этом дело... Просто сегодня с малышом сидела Сэди, благослови Господь ее душу. Кто бы знал, как я скучаю по тем временам, когда ночью можно было спокойно поспать!

– Скажу тебе как специалист: о покое можешь забыть, – сказала Мэл, натягивая поверх обуви пластиковые бахилы. – Младенцы вырастают и становятся подростками, а затем – взрослыми, так что... В общем, готовься. – Она выпрямилась. – Ну, что тут у нас?

– Следы борьбы. Много крови. Тела нет.

Мэл приподняла бровь.

– Нет тела? Ладно, бывает... Фотографы закончили?

– Да, но в доме еще работают несколько экспертов. Я взял показания у патрульных, которые первыми прибыли по вызову. Они сейчас дежурят в конце улицы, так что если у нас появятся дополнительные вопросы... – Голос у него был глубоким, звучным и размеренным, говорил Бенуа с заметным акцентом. Его родными языками были суахили и французский. Не канадский французский, а конголезский – тот, на котором говорили в его родной Демократической Республике Конго, бывшей бельгийской колонии.

– Кто позвонил в Службу спасения?

– Соседка вон из того дома... – Бенуа показал на большой красивый особняк в традиционном стиле. Его кирпичные стены были густо оплетены плющом, листья которого уже окрашивались в красный и оранжевый. – Ее зовут Бьюла Браун, восемьдесят девять лет. Она позвонила по 911 незадолго до полуночи. Миссис Браун занимает верхний этаж и никуда не выходит. Она на паллиативном уходе и коротает дни – и, похоже, ночи тоже, – наблюдая за соседями. За последние полгода она звонила по 911 пять раз, но все вызовы оказались ложными.

Мэл нахмурилась.

– Ненадежный свидетель?

– Думаю, мы это выясним. А пока взгляни вот на это... –

Бенуа подвел ее к крыльцу и показал на гладкую бетонную площадку перед дверью. На площадке в луже дождевой воды валялся букет увядших цветов – белые орхидеи, лилии, хризантемы и гипсофилы. Между цветками белел небольшой прямоугольный конверт. Рядом лежала расплюснутая коробка для пирога с прозрачным окошком на крышке. Сам пирог – по-видимому, с ягодами – тоже был раздавлен: из коробки медленно сочился густой пурпурный сок. На крышке Мэл разглядела логотип в виде математического символа « π » и надпись: «Бистро Пи». ПИрог. Ха!

– Когда патрульные это увидели, они поняли, что на этот раз вызов не был ложным, – сказал Бенуа. – К тому же, когда они подъехали, входная дверь была распахнута настежь. На первом этаже горел весь свет, стеклянные раздвижные двери в глубине дома тоже были открыты.

Мэл подняла голову, рассматривая парадную дверь, представлявшую собой окантованную деревом толстую стеклянную панель.

– Никаких следов взлома или насильственного вторжения. В доме точно никого не было?

– Никого. Только следы борьбы и пятна крови.

– Известно, кто владелец дома?

Бенуа заглянул в свой блокнот.

– Некие Ванесса и Харуто Норт. Отсюда, наверное, и название «Нортвью». В гараже две машины: красный «лексус» с откидным верхом и серебристая «тесла родстер», обе заре-

гистрированы на Нортон. Местонахождение хозяев установить пока не удалось. Их мобильные телефоны также не отвечают.

Мэл опустилась на корточки, чтобы получше разглядеть букет и пирог. Вооружившись фотоаппаратом, она сделала несколько снимков, затем рукой в перчатке извлекла из переплетения стеблей гипсофила мокрый бумажный конвертик. Внутри оказалась белая карточка, на которой темными чернилами, расплывшимися по влажной бумаге, от руки было написано:

Вот и конец нашей свободе.

Удачи тебе, подруга, это был тот еще аттракцион!

Спасибо за поддержку.

Дейзи.

X

С обратной стороны карточки она увидела логотип: «Цветы Би».

– Та-ак... – Мэл выпрямилась. У нее было очень плохое предчувствие. Она попыталась представить себе человека – Дейзи? – который стоит на пороге с цветами в одной руке и коробкой в другой, а из дома ей навстречу выходит... кто? Убийца?.. Что-то происходит, пирог и букет падают на бетонную площадку. Что настигло эту Дейзи? Шок?.. Страх?.. Или инфаркт миокарда?..

Мэл задумчиво провела пальцем в перчатке по дверному косяку. Да, на насильственное вторжение определенно ничто

не указывало. Ладно, нужно посмотреть, что в комнатах...

Она шагнула через порог в дом и тут же почувствовала, как владевшее ею плохое предчувствие обострилось.

Дейзи

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

– Нет, не так! Чуть левее, к окну!.. Вот так, хорошо. Только поставьте его чуть наискось, – велела Дейзи Риттенберг, обращаясь к двум мускулистым парням в тюрбанах, которые, повинаясь ее указаниям, двигали из стороны в сторону элегантный кожаный диван. Дейзи обставляла для просмотра роскошный пентхаус, но взятую напрокат мебель привезли с опозданием. На часах было уже без четверти шесть, и она чувствовала себя голодной и усталой. Она положила руки на ноющую поясницу, пытаясь хоть как-то уравновесить выпирающий живот. Дейзи была на тридцать четвертой неделе беременности. Роды ожидались первого декабря, но ей казалось, что этот день не наступит никогда. Дополнительные фунты, которые она набрала (и которые не имели отношения к весу ребенка), бесконечно ее раздражали. Платье, которое натянулось и на животе, и на заду, казалось слишком тесным, лодыжки постоянно отекали, лицо стало одутловатым, ноги болели. Ее волосы, которые еще недавно были такими упругими и легкими, висели сальными прядями, а некогда

безупречная кожа покрылась уродливыми пятнами, да еще и на подбородке красовался здоровенный прыщ.

Сейчас, впрочем, Дейзи постаралась справиться с раздражением и сосредоточиться на работе. Одним из достоинств выставленного на продажу пентхауса был великолепный вид на океан, и она попыталась подчеркнуть это, особым образом расставив мебель. Риелторская фирма «Уэнтворт холдингз» оценила квартиру в 6,7 миллиона американских долларов, но даже так продать ее удастся достаточно быстро – еще и очередь из покупателей выстроится.

Фирму «Уэнтворт холдингз» основала мать Дейзи – Аннабель Уэнтворт – еще до того, как Дейзи появилась на свет. И Аннабель по-прежнему оставалась у руля. Разумеется, она вполне могла позволить себе не работать, но работала, потому что ей это нравилось. Была и еще одна причина: Аннабель обожала контролировать все и вся. Мать Дейзи принадлежала к сливкам риелторского сообщества Ванкувера и обслуживала только самых состоятельных клиентов, которые продавали и покупали роскошную недвижимость в городе и его окрестностях. Свою фирму Аннабель Уэнтворт создала, когда ей было всего двадцать семь. Хорошим подспорьем стало для нее, разумеется, и состояние семьи Уэнтворт, за наследника которого – Лабдена Уэнтворта – она вышла замуж. Сам Лабден к тому времени был основателем корпорации «Терра Уэст», которая строила и обслуживала многочисленные лыжные курорты по всей Северной Америке, а также в

Японии и в некоторых странах Европы (число принадлежащих корпорации курортов в Старом Свете в последние годы постоянно росло). Сейчас на «Терру Уэст» работал и муж Дейзи Джон – олимпийский чемпион по горным лыжам, который на Играх 2002 года в Солт-Лейк-Сити завоевал сразу две золотые медали.

До сих пор Дейзи еще никогда не приходилось обставлять предназначенные к продаже помещения, хотя раньше она занималась дизайном интерьеров и даже управляла небольшой специализированной компанией в Сильвер Аспенз в Колорадо, однако после того, как в июле они с Джоном вернулись домой, в Канаду, она решила, что до родов будет помогать матери.

– Так хорошо? – прервал ход мыслей Дейзи голос грузчика с большими черными усами, и она чуть заметно вздрогнула. Да, в последнее время она стала совсем уж рассеянной. Никак не может сосредоточиться на чем-нибудь одном. Дурацкие гормоны!

– Да, все отлично. Спасибо, парни. Теперь осталось поднять и установить кофейный столик, и на этом закончим.

Грузчики вышли к лифту, чтобы спуститься с двадцать шестого этажа на первый, где остался их доставочный грузовичок, а Дейзи посмотрела на часы. Нет, до ужина она точно не доживет. Крошечный человечек, поселившийся у нее в животе, захватил полный контроль над ее телом и мыслями, чего она никак не ожидала. Он был как вирус, как малень-

кий паразит, а она была просто носителем. И этот паразит очень быстро превратил ее в несчастное, страдающее существо, которое было совсем не похоже на ту Дейзи, которую она помнила.

Дейзи резко качнула головой. Нет, она не должна так думать. Она *хочет* этого ребенка. Он изменит все не только для нее, но и для Джона. Именно из-за ребенка они вернулись домой. Из-за ребенка и из-за обещания Лабдена повысить Джона, найти ему новое, престижное место в структуре корпорации. Да, этот ребенок нужен им обоим. Да и самой Дейзи хотелось быть поближе к отцу с матерью, когда ее сын появится на свет. Главное, чтобы все прошло благополучно, и тогда... тогда они смогут забыть о неприятностях, которые случились с ними в Колорадо. Ладно, по пути домой она купит себе пиццу побольше... Или что-нибудь китайское на вынос.

– Ну, привет, Дейзи.

Дейзи подпрыгнула, чувствуя, как мгновенно участился пульс. Круто обернувшись, она оказалась лицом к лицу с высокой черноволосой женщиной, которая только что вошла в пентхаус. Несмотря на высоченные каблуки, двигалась она на удивление легко и непринужденно. Это была хозяйка квартиры.

Женщина бросила автомобильные ключи на мраморный кухонный островок и вопросительно посмотрела на Дейзи.

Дейзи старалась взять себя в руки, но слова «Ну, привет,

Дейзи!» набатом отдавались у нее в ушах. Точно такие же слова она получала в странных, автоматически удаляющихся текстовых сообщениях, которые стали приходить ей с тех пор, как они с Джоном перебрались в Ванкувер.

Ну, привет, Дейзи!

Добро пожаловать домой, Дейзи.

Давненько не виделись, Дейзи.

Я знаю, кто ты такая, Дейзи.

Сообщения поступали по «Вотсапу» и через сутки исчезали. Все – с незнакомых номеров. Она пыталась их блокировать, но сообщения продолжали приходить.

Пока Дейзи пыталась перевести дух, хозяйка пентхауса рассеянно оторвала три ягодки от виноградной кисти, которая лежала в вазе на кухонном острове. Совсем недавно Дейзи и так, и эдак вертела эту вазу, стараясь выбрать наиболее выгодный ракурс. Пройдя на середину жилого пространства, хозяйка отправила одну ягоду в рот и, медленно повернувшись кругом, окинула критическим взглядом мебель и картины, которые повесила Дейзи. Короткая стрижка пикси, узкое породистое лицо, изящные черты, гладкая светлая кожа, большие, темные, блестящие глаза... хозяйка была полной противоположностью Дейзи – *нынешней* Дейзи. А еще она была стройной, как модель с подиума. Швабра, подумала Дейзи с неприязнью. Сущая швабра!

Женщина аккуратно отправила в рот вторую ягоду, стараясь не смазать красную помаду.

– Прошу извинить меня за опоздание. Совещание немного затянулось, и я... – Она вдруг замолчала. Ее взгляд устремился на картину над камином. Вновь повернувшись к Дейзи, хозяйка сказала: – Вы уверены, что это подходит для...

– Обставлять дом для просмотра и для проживания – не одно и то же! – отрезала Дейзи. Должно быть, ее голос прозвучал достаточно резко, потому что брови хозяйки поползли вверх, и Дейзи вновь пришлось сражаться с раздражением и неприязнью к женщине-швабре. В конце концов, перед ней клиентка ее матери, а репутация в торговле недвижимостью – это все. И даже больше, чем все. Нет, порочить доброе имя Аннабель Уэнтворт сейчас никак нельзя.

Глубоко и медленно вдохнув, Дейзи объяснила:

– В данном случае наша задача – подчеркнуть пространство, привлечь внимание к уникальным архитектурным деталям этой квартиры. Вместе с тем нельзя и переусердствовать: потенциальный покупатель должен иметь возможность в полной мере оценить великолепную панораму, которая открывается из окон. Каждый клиент, едва только переступив порог, должен – вне зависимости от его вкусов – обратить внимание именно на вид из окна и представить себя жильцом этого роскошного пентхауса. Такова наша цель.

Хозяйка квартиры закинула в рот третью ягоду.

– Что ж, я вполне доверяю Аннабель. У нее хорошие отзы-

вы. Во всяком случае, она умеет добиваться результатов, так что... – Женщина не договорила и, медленно жуя, окинула взглядом туго натянутое на животе Дейзи платье и удобные мягкие кроссовки, которые та купила в универмаге по дороге сюда. Дешевые, белые с оранжевыми полосами по бокам – обычный ширпотреб, – они не нравились ей самой, но она опаздывала, а от туфель, которые Дейзи надела перед выездом, мучительно болели и ее распухшие ноги, и поясница. Честно говоря, замена себя оправдала.

– Я на восьмом месяце, – сказала Дейзи в свою защиту и тут же возненавидела себя за эти слова. Какого черта она оправдывается? Ну и идиотка! Можно подумать, она обязана объяснять этой снобке, что в ее положении на первое место выходит удобство.

– Понятно... – Хозяйка повернулась к Дейзи спиной и сделала вид, будто любит вид из окна.

Кровь бросилась Дейзи в лицо. Она ожидала как минимум дежурного «Примите мои поздравления!». Дейзи подошла к вазе на кухонном острове и поправила виноградную кисть, стараясь замаскировать нанесенный ей ущерб.

«Мне не *нужно* работать! На доход от моего трастового фонда я могла бы трижды купить твой гребаный пентхаус и нисколько не обеднеть!»

Но вместо этого она спросила:

– А у вас есть дети?

Хозяйка мрачно хохотнула.

Дейзи повернулась.

– Ну да, конечно... Глупый вопрос.

– Что вы хотите сказать?

– Каждый, кто увидит этот пентхаус, сразу поймет, что ни один ребенок к нему и на пушечный выстрел не приближался.

Глаза хозяйки чуть заметно сузились.

– Мы с мужем еще до свадьбы решили, что у нас не будет детей. Это наш сознательный выбор. Мы не хотим приводить детей в этот мир.

– Значит, у него это не первый брак?

Хозяйка моргнула.

– Простите?..

– Ваш муж сделал себе вазэктомию, угадала? Чик-чик? Скорее всего, у него есть дети от первого брака. Вероятно, уже взрослые.

Хозяйка широко открыла рот.

«В точку!» – подумала Дейзи и добавила самым приятным голосом:

– Везет же мужчинам. А нам с вами приходится постоянно помнить о том, что наши биологические часики все тикают и тикают. И даже если ваш муж вдруг передумает и сделает обратную операцию, для вас может быть уже слишком поздно. – Она потянулась к своей сумочке. – В общем, мне было *очень* приятно помочь вам привести это место в товарный вид. Некоторым квартирам это, знаете ли, просто *необходи-*

мо. Кстати, сейчас грузчики принесут кофейный столик. Вы уж покажите им, куда его поставить, а то мне уже пора. Я и так опаздываю.

И, переваливаясь на распухших ногах, Дейзи направилась к выходу. Сердце тяжело стучало, но она была очень довольна. Дейзи Уэнтворт Риттенберг только что вернула себе часть своего бывшего очарования. Юная, задиристая, популярная у парней Дейзи, какой она была в школе, все еще жила где-то глубоко под слоем накопленного жира, среди бушующих в крови гормонов. Привлекательная и богатая, когда-то она могла осадить кого угодно, и, похоже, этот талант по-прежнему при ней. Да, в глубине души она все еще оставалась той дерзкой школьницей, которая сумела заарканить знаменитого чемпиона и секс-идола Джона Риттенберга, уведя его буквально из-под носа у сотен вешавшихся на него поклонниц.

Слегка пошатываясь, но продолжая торжествовать, Дейзи вошла в лифт и победно ткнула в кнопку первого этажа. Она и забыла, как это приятно – не отступить, отстояв свою позицию, а потом еще и нанести точный ответный удар.

Октябрьский воздух был свеж и прохладен, и Дейзи с наслаждением вдохнула полной грудью. Но когда она приблизилась к своему «БМВ», припаркованному чуть дальше по улице, сердце у нее екнуло: под дворник был засунут небольшой белый конверт. Трясущимися руками Дейзи потянулась к нему, открыла и достала листок бумаги, на котором было

написано:

Я слежу за тобой, @Дейзи_День_За_Днем.

Я знаю, кто ты такая.

Тик-так, часики!..

Дейзи

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

По дороге домой Дейзи сжимала руль так крепко, что ко-
стяшки у нее на пальцах побелели. В горле у нее стоял ко-
мок, а давление подскочило.

«Успокойся, Дейзи. Стресс вреден для ребенка. Ты долж-
на успокоиться. Дыши глубже, Дейзи. Сосредоточься», –
твердила она сама себе.

Записка, которую она достала из конверта, лежала на пас-
сажирском сиденье.

Дейзи понимала: тот, кто ее преследует, стал наглее. По-
чувствовал свою безнаказанность. Тик-так, часики?.. Это
что – намек на бомбу с часовым механизмом? На то, что ско-
ро что-то должно *взорваться*?

Автор записки явно знает ее ник в Инстаграме²– @Дей-
зи_День_За_Днем, – а значит, и о ее жизни он знает *очень*
много: знает, что она ждет мальчика, что она и Джон недав-
но переехали из Колорадо в Ванкувер, что Джона скоро на-

² 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, при-
надлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г.
Москвы экстремистской и запрещена на территории России – *Здесь и далее.*

значат на должность административного директора суперсовременного горнолыжного курорта, который вот-вот достроят в окрестностях всемирно известного Уистлера³. Он даже знает, какая у нее машина!

Выезжая на мост Беррард, Дейзи ломала голову, пытаясь вспомнить, обмолвилась ли она в соцсетях хоть словом о том, что сегодня собирается оформлять квартиру для просмотра по такому-то адресу. Нет, точно нет. Как же тогда автор записки узнал, где искать ее машину? Может быть, за ней следят?.. Что ж, *эту* проблему можно решить хотя бы частично. Она больше не будет работать, тем более что подготавливать к продаже чужие пентхаусы ей было противно. Мама... мама поймет, должна понять. Да и Джон будет рад. Он с самого начала был против того, чтобы жена работала. Джон говорил, что для нее это в любом случае неподобающее занятие, пусть она лучше сидит дома и заботится о будущем ребенке. А когда он появится на свет, она, скорее всего, тоже не будет работать, а останется домохозяйкой и матерью.

В салоне «БМВ» стало душно. Движение на мосту то и дело замирало, а потом машины снова начинали медленно ползти вперед. На другой стороне залива Дейзи мельком заметила вершины гор Норт-Шор, вид которых заставил ее мысленно вернуться к тем временам, когда она и Джон учились в школе. Они оба выросли на Северном берегу, на ле-

³ Уистлер – небольшой городок к северу от Ванкувера. В нем находится один из крупнейших лыжных курортов Северной Америки.

систых склонах хребта Норт-Шор, и учились кататься на лыжах на горе Граус. Познакомились они в старшей школе, в одиннадцатом классе начали встречаться. Ах, какие шикарные вечеринки они тогда устраивали!..

При мысли об этом Дейзи ощутила беспокойство. В те времена они позволяли себе вещи отнюдь не безобидные. К сожалению, тогда никто не сказал Дейзи, что много лет спустя их школьные проделки будут казаться ей глупыми и безрассудными. Никто не предупредил ее, что настанет время, и воспоминания о них будут возвращаться в самый неподходящий момент – как, например, сейчас, заставляя ее думать: «Нет, этого не могло быть! Я просто *не могла* участвовать в чем-то подобном!»

Дейзи крепче стиснула руль. Похоже, возвращение в Канаду не принесло ей ожидаемого успокоения.

«Мы были глупыми, – думала она. – Почти детьми. И мы слишком много пили. Подростки постоянно делают всякие глупости. Неумение противостоять давлению сверстников. Дурной пример. Стадный инстинкт. Смешай в равных пропорциях первое, второе и третье, и на выходе получишь что-то мрачное, жуткое, дикое».

Дейзи так глубоко задумалась о прошлом, что, вернувшись домой, с удивлением обнаружила пиццу, которую купила по дороге. Отпереть входную дверь одной рукой (в другой она, словно жонглер, удерживала сумочку и картонную коробку с горячей пиццей) было нелегко, но она справилась.

Войдя в прихожую, Дейзи первым делом отключила охранную систему. В доме было безупречно чисто и пахло свежестью. Из прихожей была видна гостиная и задняя дверь дома, ведущая в уютный сад на заднем дворе. Сад всегда ее успокаивал, так произошло и сейчас. Дейзи с облегчением выдохнула, сбросила с ног уродливые кроссовки и босиком прошлепала с пиццей на кухню. Там она открыла коробку, достала огромный кусок, откусила раз, другой и застонала от наслаждения. Не переставая жевать, Дейзи стащила с себя тесное платье и поднялась наверх, чтобы переодеться в спортивные штаны и растянутую футболку.

Снова спустившись в кухню, Дейзи поставила чайник и доела пиццу, откусывая от нее огромные куски, словно ненасытная Сестра Сатаны из одноименного ужастика. Жадно жуя, она снова подумала, что это все из-за маленького паразита – он только и делает, что пожирает ее изнутри, управляя ее инстинктами и желаниями. Чтобы прогнать эту мысль, Дейзи снова пришлось сделать над собой усилие. Она понятия не имела, откуда у нее в голове появляются подобные образы. В последнее время она просто сама не своя.

Заливая кипятком чайный пакетик (травяной настой, никакого кофеина), Дейзи заметила записку, которую Джон оставил на кухонной столешнице рядом с ее последним УЗИ-исследованием. Дейзи поднесла записку к глазам.

«Не забудь! Сегодня в 18:30 я ужинаю в пабе с Генри».

В последнее время он все чаще писал ей подобные записки — по его словам, она стала жутко забывчивой. Генри Клей, с которым Джон собирался встретиться, был старейшим членом совета директоров «Терры Уэст». Он пригласил Джона в паб, чтобы в неформальной обстановке «обсудить кое-какие рабочие вопросы», и Дейзи задумалась, не связано ли это с неожиданной отставкой отца. Две недели назад Лабден Уэнтворт пережил легкий сердечный приступ, который, однако, не на шутку его напугал. Врачи предложили ему изменить образ жизни, и Лабден, немного подумав, огорошил родных и коллег объявлением о немедленном уходе из совета директоров корпорации. Он заявил, что ему хочется прожить остаток своих дней в покое и комфорте.

Когда Дейзи, отложив записку, выуживала из чашки чайный пакетик, ее внимание привлекло какое-то движение за окном. Резко повернувшись, она уставилась на густые кусты в дальнем конце сада. Поднявшийся ветер качал ветви, трепал пожелтевшую листву... В саду никого не было, но Дейзи почти не сомневалась, что видела за деревьями, отделявшими участок от узкой дороги за оградой, человека в черной одежде. Оставив чай на столе, она встала и медленно подошла к раздвижной стеклянной двери. Придерживая живот одной рукой, Дейзи внимательно всмотрелась в сад. Еще один порыв ветра пронесся над деревьями, и из ветвей вылетело несколько ворон, которые поднялись в темнеющее осеннее небо и растаяли в нем. Воробы? Может быть, она увиде-

ла ворону и приняла ее за человека? Да, скорее всего, так и было...

Но как Дейзи себя ни успокаивала, она не могла отделаться от ощущения, что за ней наблюдают.

Нет, не просто наблюдают.

Следят.

Резким движением она опустила жалюзи. Надо позвонить Джону. Да, она знает, что он занят, но ей просто необходимо услышать его голос.

Его или любого другого человека.

Но после нескольких гудков телефон Джона переключился на голосовую почту. Дейзи попробовала еще раз. То же самое. Борясь с раздражением, она подумала, что в пабе, наверное, довольно шумно и Джон просто не слышит звонка. Объяснение вполне правдоподобное, и все-таки оно несколько не ослабило ее желания с кем-нибудь пообщаться, поэтому Дейзи набрала сообщение своей новой подруге Ванессе.

Как насчет пообедать завтра в «Пи»?

Завтра пятница, один из двух дней, когда приезжает уборщица. В эти дни Дейзи всегда старалась куда-нибудь уйти. Она терпеть не могла присутствовать при уборке – это пробуждало в ней чувство вины, хотя, казалось бы... Она вообще-то платит за уборку хорошие деньги и к тому же обеспечивает людей работой. И все же Дейзи предпочитала уезжать или уходить из дома, чтобы потом вернуться в сверкающие

чистой комнаты, в которых потрудились домашние феи – так ее мать называла сотрудников клининговой службы, когда Дейзи была маленькой. Домашние феи.

Телефон пискнул. Пришел ответ от Ванессы:

Отличная идея. Во сколько?

Дейзи быстро напечатала:

В полдень будет не слишком рано? В последнее время мне постоянно хочется есть.

Ответное сообщение пришло почти мгновенно:

И не говори. В полдень у нас с Харуто дела. Давай попозже? В 2?

Дейзи улыбнулась. Обед в два часа – для нее это было слишком поздно. Она умерет с голода раньше. Впрочем, ничто не мешает ей перекусить во сколько захочется... Встретиться с Ванессой ей очень нравилось – у них было много общих тем для разговоров. Ванесса тоже была в положении, и ее ребенок должен был появиться на свет на неделю позже, чем ребенок Дейзи. Поговорить с тем, кто тебя понимает, – что может быть приятнее? Кроме того, Ванесса никогда никого не порицала и не осуждала. Дейзи терпеть не могла людей, которые заявляли, что ей-де негоже жаловаться, поскольку она принадлежит к привилегированному классу и должна быть благодарна за все те блага, которыми пользуется. Сама Дейзи считала, что на самом деле все в жизни относительно, и очень злилась на тех, кто не в состоянии этого

понять. Ванесса была другой. К тому же она и ее муж Харуто тоже были достаточно состоятельными – во всяком случае, жили они в одном из дизайнерских особняков на противоположном берегу залива, в сверкающем доме из стекла, построенном по последнему писку архитектурной моды. Кроме того, на их участке был роскошный панорамный бассейн, за который не жалко было и умереть.

С Ванессой Дейзи познакомилась на курсах йоги для будущих матерей. Занятия проходили совсем недалеко от их с Джоном дома, и поначалу она удивилась, как это Ванессу занесло на их берег, но подруга объяснила, что ее муж как раз сейчас работает именно в этом районе.

Годится. До встречи.

Отправив Ванессе сообщение, Дейзи почувствовала себя гораздо спокойнее. Держа в руке кружку с травяным чаем, она поднялась, наполнила ванну и забралась с книгой в густую душистую пену. Час спустя Дейзи уже лежала в постели все с тем же романом, но больше дремала, чем читала. Когда ей наконец пришлось в голову посмотреть на часы, она увидела, что они показывают уже половину одиннадцатого ночи.

Дейзи резко села. Джон ведь давно должен быть дома!

Потянувшись к телефону, она позвонила мужу, но звонок снова переключился на голосовую почту, и Дейзи встревожилась не на шутку. Откинувшись обратно на подушки, она думала:

«Что, если он выпил лишнего и попал в аварию? Что, если

он сейчас в больнице?»

Выждав около получаса, она позвонила снова, но опять попала на автоответчик. Только теперь ей пришло в голову, что после паба Джон мог пойти куда-то еще. В клуб, в бар или вроде того... От этой мысли Дейзи разнервничалась еще сильнее.

Она позвонила еще несколько раз, и в конце концов Джон взял трубку. Услышав его голос, Дейзи почувствовала, как по телу волной прокатилось облегчение.

– Привет, дорогой, – осторожно начала она. – У тебя все в порядке? Я беспокоилась.

– Все в порядке... – На заднем плане Дейзи слышала шум. Музыку. Женский голос. – Подожди секундочку, я найду местечко потише. – В трубке Дейзи снова услышала женский голос, потом все внезапно стихло, словно Джон прижал телефон к телу.

– Джон? Ты где?..

Несколько секунд спустя она снова услышала его голос. Слегка откашлявшись, Джон сказал:

– Прости, любимая, надо было тебе позвонить, но... Как только Генри ушел, в паб приехали несколько парней с работы. Мы обсуждали новый курорт... С ними как раз был эксперт по вопросам охраны окружающей среды, и я решил, что было бы неплохо установить с ним дружеские отношения. Они пока здесь, так что я, наверное, задержусь еще немного. Ты не против? Если надо, я мигом вернусь, ты только скажи,

и...

– Нет, я... Все в порядке, Джон. – Дейзи сглотнула застрявший в горле комок. Она вдруг почувствовала себя одинокой и несчастной. – Что сказал Генри? Чего он от тебя хотел?

Последовала короткая пауза.

– Он... он сообщил мне кое-что интересное. Завтра я все тебе расскажу, хорошо?

Беспокойство Дейзи снова усилилось, а вместе с ним в душе шевельнулись какие-то смутные пока подозрения. Ей казалось – что-то назревает. Что-то неприятное. *Тик-так, часики!*.. Она покосилась на опущенные жалюзи, на мечущиеся за ними тени деревьев. Ветер усилился, похоже, будет настоящий шторм.

– Дейзи, ты там? Все в порядке?

– Д-да... Все хорошо. – Она хотела рассказать ему о подсунутой под дворник записке, но решила пока промолчать. – До встречи.

– Спокойной ночи, любимая. Я постараюсь не слишком задерживаться, но ты все равно меня не жди. Тебе нужно больше отдыхать.

Они попрощались, и Дейзи как раз собиралась дать отбой, когда снова услышала в трубке тот же женский голос. На этот раз ей удалось разобрать несколько слов: «Джон... рано... Спасибо... приятный вечер».

Дейзи рухнула на подушку, прижимая телефон к животу.

Глядя в потолок, она пыталась убедить себя в том, что это просто пустяк. Она знала, что паб находится на первом этаже популярного отеля рядом со зданием, в котором работал Джон. И, конечно, в этот час там много посетителей, а женский голос мог принадлежать кому угодно... Даже официантке.

Тут Дейзи представила, как официантка наклоняется над столиком Джона, улыбается ему, а он таращится на ее грудь, которая виднеется в вырезе блузки. Нет, нет, не может этого быть, сказала она себе. Скорее всего, это какая-то посторонняя женщина, которая прошла со своим спутником по вестибюлю отеля мимо Джона, пока он разговаривал по телефону. Она не допустит, чтобы подозрения снова выбили ее из колеи, не допустит паранойи. Достаточно того, что ей уже мерещатся тени за деревьями. Да, в Колорадо они с Джоном стали жертвами спятившей сталкерши, но это не означает, что то же самое повторится и здесь.

А если все-таки?..

Что, если женщина из Колорадо не вняла предупреждению суда и последовала за ними в Ванкувер?

«Все будет хорошо. О той психованной давно позаботились. Она больше не доставит нам неприятностей».

Дейзи уже погружалась в зыбкое безвременье на границе сна и бодрствования, когда в ее ушах снова зазвучал голос женщины из телефона, только на этот раз пробелы заполнились сами собой: «Пока, Джон... Завтра мне рано вставать.

Спасибо за приятный вечер».

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Солнечный свет заливал «Стеклянный дом» со всех сторон, и Мэл невольно заморгала – настолько ярким он казался в этих сверкающих интерьерах.

Нижний этаж занимала одна большая комната. Белые мраморные полы, белые стены, белая мебель, зеркала и кое-где яркие всполохи абстрактных полотен.

– Когда приехали патрульные, шторы были подняты, как сейчас, или... – спросила она, глядя, как эксперт-дактилоскопист посыпает специальной пудрой перевернутый стеклянный столик в поисках отпечатков. Еще несколько криминалистов курсировали вверх и вниз по лестнице, ведущей на второй этаж. Несмотря на постоянное движение и приглушенные разговоры, внутри дома царили сверхъестественное спокойствие и почти торжественное, подавляющее ощущение пустоты и безжизненности.

– Эти окна выходят на океан, – ответил Бенуа. – И на них нет штор.

Мэл удивленно покосилась на него.

– Шутишь? Люди живут в стеклянном ящике и не могут

никак отгородиться от окружающего мира? По-моему, это...

– ... Эксгибиционизм, – закончил напарник. – Совершенно согласен. Живешь как в аквариуме.

– Я имела в виду – не каждый человек согласится добровольно поставить себя в столь *уязвимое* положение, – мягко пояснила Мэл.

Бенуа подбородком показал на стеклянные двери, которые вели к вписанному в окружающий сад панорамному бассейну.

– Капли крови и следы волочения ведут в ту сторону. Цепочка смазанных кровавых пятен тянется вдоль бассейна к калитке, которая выходит на улицу. Основные события, по-видимому, происходили наверху, в одной из спален. Может, лучше начать оттуда?

– Нет, сначала осмотрим все внизу, – покачала головой Мэл. – Спальня никуда от нас не убежит.

Сержант ван Альст всегда предпочитала осматривать место преступления от периферии к центру, двигаясь как бы по спирали. Это помогало ей сохранять непредвзятость, не позволяя делать поспешные выводы. Только составив общее представление о происшедшем, она переходила к деталям, порой возвращаясь на место преступления по нескольку раз.

Мэл сделала несколько шагов вперед по отполированному мраморному полу, стараясь не наступать на оставленные экспертами отметки. Бенуа следовал в точности за ней, чтобы не оставить на месте преступления посторонних следов.

Белый кожаный диван у дальней стены был забрызган кровью. Кровавые капли и потеки виднелись и на мраморном полу. Разбитые бокалы для вина и martini вместе с уцелевшим тамблером из толстого стекла валялись рядом с опрокинутым кофейным столиком в луже, от которой шел сильный запах вина и виски. Среди осколков лежал пульт от телевизора. Оливки и маринованная коктейльная луковичка откатились к двери. В хрустальной пепельнице на боковом диванном столике Мэл увидела трубку для курения марихуаны из зеленого стекла, выглядевшую как настоящее произведение искусства.

– Знаешь, что говорят о людях, которые живут в стеклянных домах? – спросил Бенуа.

– Что им нельзя кидать камни?

– Что им нельзя напиваться *вдребезги*.

Мэл хмыкнула и наклонилась, чтобы получше рассмотреть пятна крови на диване, потом сфотографировала их с нескольких точек.

– Судя по рисунку, это экспираторный брызг⁴ – капли крови вылетели изо рта, – сказала она. – А вот эти крупные капли и размазанный след на полу...

– Похоже на артериальное кровотечение.

Она кивнула.

– Вот, и тут тоже...

Бенуа приблизился к забрызганной кровью стене.

⁴ Экспираторный брызг – брызг крови, выходящей через нос или рот.

– Здесь следы борьбы, – сказал он. – Может быть, все началось здесь, – Бенуа показал на диван. – Три бокала. Три человека сидели и выпивали вместе. Потом заспорили... ну и сцепились. Один человек поднимается, за ним остальные. Вот здесь жертву ударили о стену. Если жертва стояла вот здесь, то... то это брызги крови от удара головой о стену. Смотри, они как раз на высоте среднего человеческого роста.

Мэл подошла к нему сзади, посмотрела.

– А может, все-таки удар тупым тяжелым предметом? Если, скажем, была рассечена кожа, это объясняет распределение капель вот здесь...

Бенуа кивнул.

– Удар тупым предметом... или острым. Вроде ножа. Дальше жертва сползает по стене и движется в эту сторону... – Он показал карандашом направление. – Судя по форме капель на полу, их источник находился на небольшой высоте. Вот здесь жертва оперлась о подлокотник кресла, возможно, чтобы подняться, но получила еще одну рану. Ты говоришь, капли крови вылетели изо рта вместе с потоком воздуха? Похоже... Жертва закашлялась, потом поползла прочь.

– Но куда? – спросила Мэл. – Куда поползла жертва? И где тело?

Бенуа присел на корточки и прищурился.

– Смотри, вот здесь на полу крови нет. Я думаю, здесь лежало что-то, что помешало ей попасть на мрамор.

– Ковер, – тихо сказала Мэл. – Здесь был ковер. Прямо под кофейным столиком.

– Отсюда и следы волочения, – согласился напарник. – Жертву вытащили из комнаты на ковре.

Сделав еще несколько снимков дивана, Мэл заметила, что в глубокой щели между подушками что-то блестит. Она сфотографировала щель с близкого расстояния, потом отодвинула подушку и рукой в перчатке извлекла оттуда небольшой золотой кулон. Осмотрев его как следует, Мэл присвистнула.

– Золотая капля со здоровенным бриллиантом в центре, – сказала она. – Цепочка порвана. – Подозвав эксперта, она передала ему находку, а сама медленно двинулась к раздвижным дверям, внимательно изучая следы на полу.

Мэл вышла на площадку у бассейна. Ветер морщил поверхность воды, за бассейном сверкал отраженными огнями залив Беррард. По площадке на четвереньках ползал один из криминалистов, который собирал какие-то образцы. Заслышав ее шаги, он поднял голову.

– Здесь тоже следы крови, – сказал он. – Что-то вытащили из комнаты, протащили по площадке за угол дома, потом через калитку и на улицу. Калитка была открыта. На дороге следы крови обрываются: похоже, там была припаркована машина.

– И тело, если это уже было тело, погрузили в салон или багажник, – закончила Мэл.

– Пока мы не нашли ничего, что противоречило бы этому

предположению.

Внимание Мэл привлекло какое-то движение в доме по соседству. Она подняла голову и увидела в окне второго этажа пожилую женщину, которая внимательно следила за происходящим. На коленях у нее лежал клетчатый плед. Увидев, что ее заметили, она слегка помахала рукой. Немного поколебавшись, Мэл тоже подняла руку в знак приветствия и помахала в ответ, чувствуя себя довольно неловко. Обычно она не махала свидетелям.

– Наверное, это она, – тихо сказала Мэл подошедшему Бенуа. – Женщина, которая позвонила в Службу спасения. Я бы с ума сошла, если бы знала, что за мной постоянно следит какая-то старуха. Со второго этажа ей наверняка видно не только то, что происходит возле бассейна, но и в доме... по крайней мере, в гостиной первого этажа.

Бенуа проследил за ее взглядом.

– Значит, зайдем к ней, как только закончим здесь.

Они вернулись в дом и подошли к барной стойке. На ней стоял шейкер для martinis, ведро с растаявшим льдом, серебристая бутылка водки «Бельведер», бутылка четырнадцатилетнего бочкового виски «Балвени Карибиан», миска с оливками и поднос с подсохшими ломтиками сыра разных сортов. Подняв голову, Мэл некоторое время разглядывала висящую на стене за стойкой фотографию в рамке. На фотографии были запечатлены мужчина и женщина лет тридцати пяти. Женщина, позировавшая фотографу с непринуж-

денностью модели «Вог», была поразительно красивой светлокожей брюнеткой. Длинные волнистые волосы, тонкая талия, комбинезон из кремового шелка, босоножки на абсурдно высоком каблуке. Из-за этих каблуков стоявший рядом мужчина был чуть ниже ее ростом. Смуглая кожа и раскосые глаза выдавали его азиатское происхождение. Пара стояла на фоне бирюзового бассейна, мужчина с видом собственника обнимал свою спутницу за талию. Оба держались уверенно, и было заметно, что им хорошо вместе. Выглядели они состоятельными, хотя нарядиться и сфотографироваться на фоне отельного бассейна мог кто угодно. На заднем плане – за бассейном – Мэл разглядела пальмы, каскады орхидей и какое-то здание в колониальном стиле с белыми колоннами и плетеной мебелью на выложенной черно-белой плиткой веранде.

– Харуто и Ванесса Норт? – предположила Мэл, фотографируя снимок. – Если судить по растительности и ротанговой мебели, то снято, скорее всего, где-то в Азии.

Бенуа двинулся в кухню, и Мэл пошла за ним. Кухня выглядела очень солидно: массивная белая мебель, сверкающая нержавеющей сталь, стекло. Нигде ни пятнышка, ни крошки. Никаких следов того, что кухней недавно пользовались. Бенуа заглянул в холодильник.

– Ничего, если не считать бутылки розового, – сообщил он, захлопывая дверцу. – И в посудомоечной машине тоже пусто. Можно подумать, этот дом специально обставили для

рекламной фотосессии. Стоп, а это что?.. Ну-ка, взгляни. — Бенуа показал на подставку для ножей. — Одного не хватает. — Он встретился взглядом с напарницей. — Не хватает одного большого ножа.

Чувствуя нарастающее напряжение, оба детектива поднялись по лестнице на второй этаж, старательно обходя пометки и маркеры, отмечавшие капли крови на ступеньках. Смазанные следы крови виднелись и на перилах. Навстречу полицейским спустился один из криминалистов, кивнувший в знак приветствия.

Верхняя площадка лестницы была застелена светлым кремовым ковром, на котором были хорошо видны кровавые отпечатки обуви, ведущие из спальни. Когда детективы вошли в комнату, Мэл остолбенела. На несколько мгновений дыхание занялось у нее в груди, а перед глазами потемнело. Нет, она не была новичком, и ей уже не раз приходилось бывать на местах кровавых преступлений, но открывшаяся ей картина превосходила все, что Мэл видела раньше.

Спальня напоминала абстрактное полотно, выполненное брызгами крови по девственно-белой обстановке комнаты. Выглядело это почти красиво. Созвездия алых точек и кровавые потеки пятнали стены, потолок, зеркало, абажуры настольных ламп, ковер. В самом центре огромной двуспальной кровати, на смятых шелковых простынях темнело целое озеро крови.

По спине Мэл пробежал холодок. Судорожно сглотнув,

она сделала шаг вперед на негнущихся ногах.

– Ну и ну! – выдохнула она чуть слышно.

Двое экспертов собирали образцы с нефритовой статуэт-ки, стоявшей на полу рядом с кроватью. Услышав голос Мэл, оба подняли головы.

– Что-что?.. – переспросили они чуть ли не хором.

– Как насчет тела? – ван Альст постаралась взять себя в руки.

– Пока ничего, – сказала одна из криминалистов – молодая, миловидная, чуть полноватая женщина. Выглядела она как-то очень по-домашнему уютно, и Мэл подумала, что в эту обстановку женщина вписывается плохо. – Но я совершенно уверена, что жертва вряд ли ушла отсюда на своих двоих. Потерять столько крови – это вам не баран чихнул.

– Статуэтка – орудие преступления? – деловито спросил Бенуа.

– Возможно, – ответил второй эксперт. – На одном из выступов мы нашли кровь и образцы волос – тонких, светлых, темных у корней. На простынях обнаружены другие волосы – более длинные и темные. – Он поднялся с пола. – А вот там мы нашли еще кое-что любопытное. Взгляните...

Мэл и Бенуа обогнули кровать. На ковре валялась на боку одна кроссовка – белая, с декоративной оранжевой полоской. В кроссовке застрял поношенный окровавленный носок.

Мэл нахмурилась.

– Кроссовка только одна? – спросила она. – Второй нет?

Эксперт пожал плечами:

– Пока не нашли.

Наклонившись, Мэл сфотографировала кроссовку, потом стала внимательно ее рассматривать.

– Практичная, недорогая женская модель, – сказала она. – Предназначена скорее для повседневного ношения, чем для занятий спортом. – Подняв кроссовку, Мэл заглянула внутрь. – Седьмой размер.

– В таком месте, – заметил Бенуа, – рассчитываешь найти скорее супердорогие профессиональные кроссовки, чем это барахло.

Мэл прикусила щеку изнутри.

– Да, – согласилась она, – эта штука сюда правда не вписывается. Возможно, кроссовка слетела с ноги жертвы вместе с носком, когда ее тащили к лестнице. Надо провести анализ ДНК и установить, совпадает ли кровь на носке с другими образцами. – Она поглядела на двуспальную кровать, на измятое белье. Рядом с изголовьем на туалетном столике стояла еще одна фотография той же пары, что и внизу. На этом снимке супруги Норт были одеты словно для какого-то торжества и выглядели очень элегантно и дорого.

Ее мысли вернулись к бокалам в луже спиртного внизу. К раздавленному пирогу и цветам. Тела нет. Хозяев дома тоже нет, но в гараже по-прежнему стоят две дорогие машины. Так...

Выпрямившись, Мэл двинулась к гардеробной, открыла двери и включила свет. Комната оказалась довольно большой – не меньше, чем домашний кабинет мужа Мэл. Войдя внутрь, детективы увидели, что вдоль правой стены висит женская одежда, а вдоль левой – мужская. Костюмы, блузки, юбки, кофты были тщательно выглажены и аккуратно расправлены; некоторые предметы были в чехлах. У дальней стены были устроены полки, на которых разместилась целая коллекция дорогой фирменной обуви, как мужской, так и женской.

Выбрав туфли на шпильках, Мэл перевернула их подошвой вверх.

– Размер восемь с половиной, – констатировала она.

Бенуа проверил другую пару, потом еще одну.

– Все женские туфли размера восемь с половиной или девять, – сказал он. – Мужская обувь десятого размера.

– Женщина на фото внизу выглядит довольно высокой, – сказала Мэл. – Такая запросто может носить девятый размер. Мужчина рядом с ней – азиат. У него вполне может быть десятый размер – мужской, разумеется...

– Но размер кроссовки рядом с кроватью – седьмой женский, – заметил Бенуа.

– Вот я и говорю, что она определенно не вписывается в картину, – задумчиво проговорила Мэл, еще раз окидывая взглядом набитую дизайнерской одеждой гардеробную.

– Если кроссовка принадлежит не миссис Норт с фотогра-

фии, значит, это обувь жертвы, – уверенно сказал Бенуа.

– Не исключено. – Мэл посмотрела напарнику в глаза. – Но где же тело? И где хозяйева?

– И кто такая, черт побери, эта Дейзи?.. – добавил Бенуа.

– Сержант! – донесся снизу чей-то крик. – Мы нашли нож!

Дневник

Возможно, патологическое любопытство действительно является для меня «запросом», как выражается моя психо-аналитик, однако на данном этапе ее интересуют причины, вызвавшие мою странную зависимость. Благодаря тому, что я стала вести дневник, мне удалось нащупать два (пока только два) события, которые, возможно, обострили мой недуг и вынудили меня действовать более рискованно, подвергая себя вполне реальной опасности. Так вышло, что эти события, сыгравшие роль пускового механизма, произошли в один и тот же день, что в десятки раз усилило их влияние на мою жизнь. Просто поразительно, как мы порой не замечаем вещей, которые буквально бросаются в глаза.

Сейчас я расскажу об этом дне. Точнее, дорогой Дневник, постараюсь воспроизвести его как можно точнее, во всех подробностях, шаг за шагом, минута за минутой.

Итак...

В то утро мы с Буном встали очень рано, чтобы перед работой успеть зайти в парк Лайтхаус. Утро выдалось сырое, холодное, моросит дождь, дует резкий ветер. Мы бредем по тропе под деревьями, спотыкаясь о корни, под ногами чавкает размокшая грязь. По обеим сторонам возвышаются огромные мокрые ели, между древними стволами кото-

рых, словно призраки, витают клочья тумана. Ветви елей нависают над тропой, и кажется, что деревья, как часовые, пристально наблюдают за нами: прикрывают, защищают и в то же время – следят, чтобы мы не сошли с тропы.

За спиной у меня небольшой рюкзачок. В нем лежит цилиндрическая биоразлагаемая урна из бамбукового волокна. В урне – прах моей матери. Человеческий прах – на удивление тяжелая штука.

Моя мать умерла ровно год назад, день в день. Мамина болезнь перевернула для меня все с ног на голову. Даже после ее смерти моя жизнь так и не вернулась на круги своя. Сейчас я ищу подходящее место, чтобы развеять по ветру то, что осталось от мамы, но ее голос продолжает звучать у меня в ушах.

«Мы так надеялись на тебя, Катарина! Ты была лучшей в классе по математике, физике, химии. Ты выиграла конкурс эссе. Ты была в почетном списке учеников. Ты могла бы добиться всего, стать кем угодно, а кем ты стала? Прислужой, которая убирает грязь за другими!»

«Ты тоже убирала за другими, мама. Я пошла по твоим стопам».

«Твой отец и я – мы были иммигрантами, Катарина. Мы переехали сюда ради тебя, мы работали не покладая рук, чтобы ты могла сама выбрать дорогу в жизни. Мы боролись ради тебя. Да, я убиралась в домах и номерах гостиниц, но я делала это ради тебя. Мы отдавали тебе все – силы,

время, здоровье... И посмотри, как ты с нами поступила!»

А потом мама заболела.

Тяжело заболела.

Я пыталась помочь. Пыталась сделать так, чтобы ей хотя бы не стало хуже. Я возила ее к врачам, на разные исследования, на анализы крови. Мы проводили целые дни в специализированных центрах, где ей делали химиотерапию, но все оказалось напрасно.

В конце концов маму поместили в хоспис. Там она и умерла. Через восемь месяцев после того, как ей поставили тот страшный диагноз. Честно говоря, я не думала, что ее смерть станет для меня таким потрясением или что мне будет так сильно не хватать ее жалоб и упреков. Может, сейчас, на Небесах, она бранит моего отца и грозит ему толстым пальцем с загрубевшей от тяжелой работы кожей. Словно наяву я слышу ее голос с сильным украинским акцентом, от которого она так и не избавилась: «Ах, Паша, только посмотри на нашу дочь! Ей уже тридцать, а она по-прежнему убирает чужие дома за гроши!..»

– Может быть, здесь? – предлагает Бун, заглушая голос матери у меня в голове.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, куда он показывает. Дождь капает с козырька моей бейсболки. Капает с печально поникших темных еловых лап. Кажется, дождь капает и в моем сердце.

– Какой крутой склон! – отвечаю я, заглядывая вниз с

края утеса (из предосторожности я держусь за рукав куртки Бун). – И камни вдоль края, похоже, очень скользкие! Мне бы не хотелось сорваться с обрыва и полететь в воду вместе с ее прахом – маму бы это очень позабавило.

Бун смеется. У него довольно необычный смех. Стоит услышать его однажды, и вы узнаете его где угодно и когда угодно. Когда Бун чем-то напуган или встревожен, его смех становится похож на пронзительный крик цапли. Бун редко нервничает, но, если это случается, он издает высокие, отрывистые, булькающие звуки. Когда я их слышу, мне всегда хочется улыбнуться, но других – я знаю – его манера смеяться сильно раздражает.

– Ты говоришь так, словно она до сих пор за тобой следит, – говорит он.

– Она всегда за мной следит, потому что она у меня в голове.

– Вот видишь! – говорит Бун. – Проблема не в ней – в тебе!.. На самом деле твоя мать всегда была ни при чем. Она – воплощенный голос твоей совести, вот ты и называешь своего внутреннего судью «мамой».

– Только не начинай, ладно? – Мне хватает того вздора, который говорит мне на сеансах моя психоаналитичка. Я делаю несколько шагов от края, потом резко поворачиваюсь к Буну. Чуть подавшись вперед, я смотрю на него в упор, и он от удивления замирает на месте, а потом начинает пятиться. Я чуть прищуриваюсь. Сейчас мой взгляд и моя по-

за выражают предельное напряжение, готовность атаковать, и его улыбка гаснет. Лицо Буна стремительно бледнеет, и он делает еще один шаг назад – к опасным и скользким камням на краю обрыва.

– Что... что с тобой, Кит?

– Может, она уже внутри тебя, Бун? – Мой вытянутый вперед палец почти упирается ему в нос. – Ты там, мама?.. – Я делаю несколько шагов, наступая на него. – Вселилась в Буна? Овладела его телом?!

– Хватит! Прекрати!

– Ага-а! Испугался! – Я хлопаю себя по бедру.

– Вот и нет. А ты... Тебе давно пора вырасти.

– Ну вот, теперь ты заговорил точь-в-точь как мой папа.

– Хотел бы я знать, когда ты в последний раз слышала своего отца. Он умер... когда?.. лет десять назад?.. Ты всегда говорила, что после этого вы с матерью остались совсем одни.

Пожав плечами, я снова поворачиваюсь и иду дальше по извилистой тропе, которая тянется над водой вдоль обрыва. Далеко внизу волны набегают на берег, плещутся, шепчут, шепелявят. Бун шагает следом, чавкая башимаками по жидкой грязи. Ногами я задеваю мелкие камни, они откатываются в сторону и со стуком летят с обрыва вниз. Бун прав... и не прав. Я действительно услышала голос своего отца, который донесся ко мне из прошлого. В одно мгновение

этот голос вернул меня в те времена, когда мне было шестнадцать. «Тебе пора повзрослеть, Катарина. Повзрослеть и понять, что такое ответственность. А ты только и делаешь, что врешь. Постоянно врешь. Это отвратительно, Катарина. Ты опозорила свою семью. Ты стала шлюхой, и... Как нам теперь смотреть людям в глаза?!»

Я ускоряю шаг. Быстрее. Еще быстрее.

У меня в ушах раздается голос матери. Она спорит с отцом.

«Оставь ее в покое!»

Мое сердце наполняется скорбью. К глазам подступают слезы. Мне кажется, я не выдержу. Зря прожитые жизни. Упущенные возможности. Я подвела родителей. Я подвела себя. Сейчас я рада, что идет дождь – бесконечный, моросящий дождь, похожий на туман, который так хорошо скрывает соленую влагу у меня на щеках.

Я спотыкаюсь о торчащий из земли корень, но мне удается сохранить равновесие и не упасть. Выпрямляясь, я поднимаю взгляд и вижу чуть дальше по тропе обращенную к металлически-серому простору океана деревянную скамейку, которая привинчена болтами к большой плоской каменной глыбе на краю утеса.

– Здесь, – говорю я, оборачиваясь к Буну. – Лучшие не придумаешь.

– Мне кажется, это место уже занято, Кит. Смотри, там, на скамье, – мемориальная табличка. Тот, кто по-

ставил ее здесь, хотел иметь возможность без помех оплакивать своих близких. Наверное, ему пришлось даже заплатить...

– Не говори глупости! Эта скамейка – самое обыкновенное пожертвование в честь умершего родственника – типа увековечить его память и все такое... Никто сюда не ходит. К тому же будет только символично, если я и мама – микроорганизмы, бактерии, которые годами убрали и перерабатывали оставленный богатеями мусор, – воспользуемся скамьей, которую поставил тут какой-то богач. Мы всю жизнь одевались в секонд-хенде, носили одежду с чужого плеча, так что чужая скамейка нам в самый раз. – Я смотрю на него. – В конце концов, эта скала и этот парк никому не принадлежат! Это общественный парк, он – для всех, а значит, и для меня тоже. Эти люди просто оплатили установку скамьи, чтобы...

– Что с тобой, Кит?! Что ты заводишься? Я же пошутил!

Но он отлично знает, что со мной. Мне не по силам сделать то, что я хочу. То, что я должна. И это меня просто бесит.

Я пытаюсь взять себя в руки.

– Ладно, извини, – говорю я. – Давай поскорее покончим со всем этим...

– О'кей, – отвечает Бун. – Давай.

Я скидываю со спины рюкзачок, достаю урну и... засты-

ваю. Я не могу. Просто не могу!..

И поэтому мы с Бунот садимся на «мемориальную» скамейку и несколько минут просто сидим, не обращая внимания на дождь и туман. Я крепко сжимаю в руках биоразлагаемый бамбуковый цилиндр. Я не в силах расстаться с мамой.

Столько лет... Столько лет я думала, что прекрасно обойдусь без ее упреков и наставлений, но теперь...

Я провожу по гладкой бамбуковой урне кончиками пальцев. Представитель похоронного агентства говорил, что после того, как я развею мамин пепел по ветру, я могу закопать урну где угодно, может, даже посадить на этом месте дерево, и в течение года растительное волокно полностью разложится, превратится в плодородную почву.

Туман сгущается. С тяжелых еловых лап срываются уже не отдельные капли, а тоненькие струйки дождевой воды. Издалека доносится шум большого города, в который вплетается вой сирен.

– Мы должны сделать это, – негромко и мягко говорит Бун. Он всегда так добр ко мне. – Надо, Кит... Тебе пора на работу, да и мне тоже.

Бун работает декоратором на студии «Холливуд Норт». Сейчас там снимают второй сезон телесериала о коронере, и работы у него выше крыши. А я сегодня как раз еду к новым клиентам, и под курткой на мне надета рабочая форма уборщиц из клининговой фирмы «Помощь Холли». Нель-

зя опаздывать на работу в первый же день (да и в любой другой тоже), и все-таки я не могу сдвинуться с места. Я как будто приросла к этой дурацкой скамейке, а бамбуковая урна приросла к моим ладоням. Я. Не. Могу.

По моим щекам текут слезы. Это именно слезы, а не дождь, потому что я чувствую, какие они горячие. Мои плечи вздрагивают.

Мамин прах стоял у меня на каминной полке ровно год. Целый год я не могла найти в себе силы, чтобы развеять его в каком-нибудь подходящем месте. Казалось, мне было необходимо, чтобы мама продолжала осыпать меня упреками даже с того света. «Ты убираешь мусор за другими, а свою жизнь привести в порядок не можешь. Ты неспособна даже избавиться от праха своей любимой мамочки, которая бросила рідну неньку Україну ради того, чтобы у тебя была нормальная жизнь. Никогда, никогда ты не могла довести ни одно дело до конца, Катарина! Ты и школу бросила, хотя мы скопили достаточно денег, чтобы ты могла учиться в университете. Эти твои постоянные вечеринки! Алкоголь! Пьяные компании! Разве так себя ведут девушки, которые хотят чего-то добиться?»

Бун обнимает меня за плечи. Он ничего не говорит, но я все равно чувствую его поддержку. Бун рядом, и мне этого достаточно. Есть столько разных видов любви, и наша с Буном уникальна. Ничего физического. Просто он мой лучший друг. И я готова сделать для него все что угодно. Не

сомневаюсь, что и он сделает все для меня. Наша дружба... она крепче, чем кровное родство.

– Знаешь, что она сказала мне перед смертью? – тихо спрашиваю я.

Бун криво улыбается из-под козырька мокрой бейсболки.

– Дай угадаю... – Он на секунду задумывается, потом начинает говорить, искусно копируя мамин украинский акцент: – «Ты, Катарина, могла бы кой-чего добиться в жизни!..»

Я против воли захлебываюсь смехом.

– Нет, не угадал!.. Она сказала вот что... – Я делаю небольшую паузу, чтобы как можно точнее передать мамин голос. Еще несколько мгновений, и в моих ушах начинает как будто звучать магнитозапись нашего последнего разговора в палате хосписа:

«Я хочу выбраться отсюда, Катарина. Помоги-ка мне встать, живо!»

«Но, мама, ты очень слаба. Ты упадешь! Хочешь, я позову сестру, и мы...»

«Нет, нет! Ради бога, Катарина! Я должна убраться отсюда!»

«Нет-нет, мама, пожалуйста, не надо! Не делай этого! Давай я помогу тебе лечь обратно».

«Не трогай меня! Убери руки! Пресвятая Богородица, Господи Иисусе Христе, 911, полиция – да помогите же мне кто-нибудь! Уберите от меня эту девчонку! Отпусти меня,

Катарина! Отпусти, или я тебя лягну, как осел не лягал. Клянусь – я это сделаю!»

Бун смотрит на меня, и его губы изгибаются в улыбке.

– «Как осел не лягал»? – переспрашивает он.

Я фыркаю, вытираю нос тыльной стороной ладони, киваю.

– Что это за выражение? Я думал, «лягание осла» это что-то из йоги, но...

– Скорее всего, это просто самый сильный удар, какой мама могла придумать. Когда лошади лягаются, они могут и убить.

– А ослы? Они вообще лягаются?

– Понятия не имею.

– Может, на ферме, где росла твоя мама, кого-то лягнул осел?

– Понятия не имею, – повторяю я. – Я думаю, на пороге смерти у нее просто помутилось сознание. Плюс разные лекарства... Смерть не происходит сразу. У нее тоже есть этапы. Ну, как стадии беременности... И на каждом этапе – целый букет симптомов, их все уже изучили и описали.

– Наверное, именно для этого и нужны доулы⁵, – глубоко-

⁵ Доула – обученные компаньон или компаньонка, которые, не являясь профессионалами в области медицины, поддерживают другого человека в значимых жизненных ситуациях, связанных со здоровьем, таких как, например, роды, выкидыш, искусственный аборт или смерть. Доула оказывает пациенту практическую, информационную и эмоциональную поддержку. В ряде клиник Европы и Америки существуют специальные программы сотрудничества с доулами.

комысленно замечает Бун. — Что прийти в этот мир, что уйти из него не так-то просто. Ведь и приход человека в мир, и уход из него весьма болезненны. И просто-напросто страшно.

— Да.

Он молчит, а потом вдруг говорит:

— Я думаю, ослы лягаются еще похуже лошадей.

— Может быть. — Я тоже молчу, потом добавляю: — Ей сделали какие-то уколы, а через несколько часов она умерла.

«Умерла, не приходя в сознание», — мысленно уточняю я и вдруг чувствую, что мне жизненно необходимо как можно скорее избавиться от праха, пустить его по ветру, сбросить со скалы. Так моя мама будет нигде и одновременно везде.

— Ладно, я готова.

Я встаю, вытаскиваю бамбуковый штырек, который удерживает крышку, открываю урну и, подняв ее повыше, переворачиваю вверх дном. Слежавшийся пепел вырывается из урны плотным комком, но ветер подхватывает его и сносит вниз и в сторону. На фоне серого тумана туча пепла кажется серебристо-белой. Новый порыв ветра — и она взмывает выше, становясь похожей на миниатюрный атомный гриб. Ветер несет пепел над нашими головами, несет к обрыву, рассеивает в небе над лесом и над океаном. Да, теперь мама действительно везде! Я начинаю смеяться и никак не могу остановиться. Мама была бы в восторге. Она всегда

любила свободу, и теперь, когда ее жизненный цикл завершился, мама снова вернулась во Вселенную.

Я с облегчением вздыхаю. Кажется, мне удалось наконец разорвать ту тягостную связь с матерью, которая мешала мне быть собой. И одновременно я чувствую себя одинокой и потерянной. Жизнь – это безбрежный океан, плыть по которому мне теперь придется самой.

И с этим ничего не поделаешь.

Мы возвращаемся к нашим машинам. Рюкзак у меня на спине кажется невесомым. В нем нет ничего, кроме пустой биоразлагаемой урны.

На стоянке я замечаю ярко-голубой автомобиль. Это «тесла родстер». Он припаркован в дальнем конце стоянки, словно его владельцы хотели оказаться как можно дальше от дешевой коричневой «хонды» Буна и моего служебного «кросстрека».

– Ну-ка постой!.. – говорю я.

Он замечает блеск в моих глазах и широко улыбается. Бун знает, в чем дело. В эту игру мы играем довольно давно. Впрочем, это не совсем игра. Возможно, это наш способ выразить протест против мира, где правят богатство и ложь. Но мы-то знаем, что вещи никогда не бывают такими, какими кажутся.

Не говоря друг другу ни слова, мы направляемся к «тесле», внутренне готовясь играть, импровизировать. Вот мы с самым непринужденным видом опираемся о капот маши-

ны, и Бун обнимает меня за плечи, а я гляжу на него снизу вверх, старательно изображая обожание. Одновременно я поднимаю свой телефон и делаю несколько снимков. Ах, если бы вы только знали, как много можно выразить с помощью поз, мимики, выражения глаз! Можно выглядеть уверенным, беспечным, богатым. Именно таких людей – людей, которые считают, будто им принадлежит весь мир, – мы с Буном и играем перед объективом. Так мы смеемся над ними – над теми, кто действительно в это верит и лишь поэтому считает себя вправе унижать и эксплуатировать других.

Мы переглядываемся, меняем позу, и я делаю еще несколько снимков. Снимки получаются довольно натуральными, и я, смеясь, посылаю Буну воздушный поцелуй, а он запрокидывает голову и хохочет.

Очень быстро я делаю еще пару фото.

Потом Бун садится в свою помятую «хонду» и едет на съемочную площадку в Бернаби (который в сериале изображает Бостон), а я забираюсь в «субару» с логотипом «Помощь Холли» на дверце, где лежат на заднем сиденье щетки, швабры, чистящие принадлежности и пылесос «Дайсон». Пока двигатель прогревается, а туман на лобовом стекле тает, я быстро просматриваю фотографии, выбирая из них лучшую. Потом я открываю свой Инстаграм-аккаунт @лисицаиворона (и лисы, и вороны те еще хитрюги, к тому же я питаю слабость к врановым), загружаю снимок и снабжаю его хештегами #яимойсладкий; #ранняяпрогул-

кадозавтрака; #личнаяжизнь; #западноепобережье; #тесла-супер; #вашеследующеепутешествие. Готово!

Наконец я откладываю телефон и еду к новым клиентам.

Встраиваясь в поток машин на шоссе, я негромко подпеваю радиоприемнику. У меня отличное настроение, и я понятия не имею, что очень скоро моя жизнь круто изменится.

Вот так, дорогой Дневник... Я обещала рассказать о двух – целых двух! – событиях, выпавших на один и тот же день: во-первых, я наконец-то рассталась с маминым прахом, а во-вторых, начала работать на новых клиентов, которые жили в доме под названием «Розовый коттедж».

Джон

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

Джон Риттенберг сидел с Генри Клеем в пабе «Охотник и пес». Паб был оформлен в брутальном стиле: стены отделаны массивными деревянными панелями, табуреты и стулья обтянуты темной кожей, свет приглушен, на столах стоят винтажные лампы с зелеными абажурами. Именно сюда член совета директоров корпорации «Терра Уэст» седовласый Генри Дж. Клей пригласил Джона выпить и закусить, что в его представлении означало очень дорогое виски и стейк из вагю⁶.

Сидя напротив Джона, Генри агрессивно орудовал ножом с деревянной ручкой. В полумраке кабинки он напоминал притаившуюся жабу, которая собирается проглотить комара. Лежащее перед ним на тарелке мясо было почти фиолетовым – Генри, как всегда, взял мясо с кровью. Вот он подцепил на вилку очередной кусок, но его рука замерла на пол-

⁶ Вагю (японская корова) – общее название мясных пород коров, отличающихся генетической предрасположенностью к интенсивной мраморности и высокому содержанию ненасыщенных жиров. Мясо таких коров отличается высоким качеством и стоит очень дорого.

пути ко рту. Кивком показав на нетронутый стейк на тарелке Джона, Генри спросил:

– Что не ешь?

Несколько мгновений Джон разглядывал кровь, которая, сочась из стейка на тарелке Генри, понемногу пропитывала картофельное пюре. Никакого аппетита у него не было. Сначала ему нужно было переварить то, что он только что услышал.

– Давай, действуй, сынок! Это лучшее мясо, какое только можно достать в наших краях. – Генри потянулся к бокалу с четырнадцатилетним «Бальвени» и запил стейк большим глотком.

– То есть претендентов на это место двое? – уточнил Джон. – Ты уверен? – Новость, которую сообщил Генри, по-прежнему казалась ему вздором.

Генри рассмеялся, сделал еще один добрый глоток виски и знаком приказал миловидной официантке в блузе с глубоким вырезом повторить. Промокнув уголки губ льняной салфеткой, он сказал:

– Если бы Лабден не отправился в отставку так скоропостижно, повышение было бы у тебя в кармане. Да ты и сам это знаешь!

– Но?..

– Но ситуация изменилась, Джонни. Лабден выпустил вожжи из рук. Уступил место молодым. Я – последний из стариков в совете.

Джон почувствовал, как его желудок заполняется кипящей кислотой.

«Это место должно было быть моим! Лабден обещал, что именно я стану административным директором нового курорта, как только будет закончено строительство. Черт побери, я столько лет горбатился на корпорацию, вкладывал в эту работу всю душу. «Терра Уэст» немало заработала, эксплуатируя мое имя, мою известность, мое олимпийское золото. Да я женат на дочери основателя корпорации, чтоб его!»

– Откровенно говоря, даже Лабден понимал, что пришло время перемен. Крутых перемен. Интуиция и умение мыслить на несколько ходов вперед значат в нашем бизнесе многое, если не все. «Терра Уэст» должна производить впечатление корпорации, которая умеет подстраиваться под общественное мнение.

– Кто он? Этот мой конкурент?

Генри прищурился.

– А тебе не приходило в голову, что это может быть не «он», а «она»?

– Ну и кто *она*?

Его собеседник снова рассмеялся.

– Это *он*, и ты его видел. Он был на презентации на прошлой неделе. Парень буквально на днях прилетел из Церматта⁷. Новый человек в головном офисе...

– Ахмед Вахид? Парень из Северной Африки?! – Джон

⁷ Церматт – горнолыжный курорт на юге Швейцарии.

был потрясен. Он действительно встречался с этим человеком на прошлой неделе. – Да что этот Вахид может знать об управлении горнолыжными курортами?

– Вообще-то немало. Может, Вахид и родился в Северной Африке, но еще ребенком он объехал с родителями всю Европу. Его отец был дипломатом. Вахид учился кататься на лыжах в Италии и Австрии. Он говорит на пяти языках, включая арабский. В свое время он окончил Школу делового администрирования в Гренобле, а там, сам знаешь, учат современному подходу к управлению бизнесом. Вахид поднялся с самого низа, прошел от Кицбюхеля и Валь-д'Изера до Шамони... Говорят еще, он первоклассный сноубордист.

– *Сноубордист?! –* Черт. – Поэтому его перевели в головной офис? Скажи честно, его уже давно готовили на мое место? Еще когда Лабден был у руля? Потому что... Ведь так и было, верно? Мой собственный тесть, который обещал мне это место и под этим предлогом вынудил нас с Дейзи вернуться в Ванкувер, – это он откопал где-то в Северной Африке этого молодца?

Генри откинулся на спинку кресла и задумчиво раскрутил виски в бокале. По его лицу скользнули янтарные блики.

– Это не интуиция, это... проституция! – выпалил Джон и, схватив свой бокал, осушил его одним глотком. Виски обожгло горло, и он поморщился. – Гребаная политкорректность! Мое место отдадут цветному только потому, что он цветной, и все это прекрасно понимают. Такое кадровое ре-

шение не имеет никакого отношения к опыту, к заслугам, к... к тому, насколько человек вообще способен занимать высокий руководящий пост.

Официантка, сверкая улыбкой, принесла напитки. Лицо у нее было свежее, сияющее. Когда она наклонилась над столом, чтобы забрать пустые бокалы, Джон уловил исходящий от ее кожи запах мыла и разглядел у нее на запястье маленькую татуировку – он вдруг почувствовал себя очень старым. Не таким старым, как Генри, но все же... На него навалилась невероятная усталость, а душа наполнилась досадой – так чувствует себя игрок, которому выпала скверная карта.

Как только официантка ушла, Джон схватил бокал и поднес к губам. Запрокинув голову, чтобы сделать глоток, он вдруг заметил краем глаза какую-то женщину, которая сидела у дальнего конца барной стойки и смотрела на него.

Брюнетка. Белоснежная кожа. Длинные, густые волнистые волосы. Их глаза встретились, и Джон почувствовал, будто по его спине пробежал электрический ток. Женщина выдержала его взгляд, и на несколько мгновений между ними установилась необъяснимая связь, природу которой Джон затруднялся назвать. На эти несколько секунд заполненный посетителями зал перестал существовать, а музыка оркестра на эстраде превратилась в протяжный стон, словно кто-то пустил пластинку с меньшей скоростью. Джон и сам едва не застонал. Женщина была прекрасна, и она явно им заинтересовалась. Как в былые времена, когда он был

олимпийским чемпионом, богом скоростного спуска, королем слалома, золотым жеребцом, которому подвластно все и вся. Но женщина отвернулась, связь оборвалась, а Джона отбросило обратно в реальность, и только его сердце стучало чаще обычного, а в груди поселились неясное томление и тоска.

Он не сразу заметил, что Генри пристально за ним наблюдает.

Слегка откашлявшись, Джон проглотил виски и посмотрел своему собеседнику в лицо. Сейчас ему больше всего хотелось вырваться из оков собственного тела, освободить тот скрытый огонь, ту буйную энергию, которую ему было так трудно сдерживать. Вот бы еще раз испытать то волнение и восторг, которые охватывали его, когда, вырвавшись из стартовых ворот, он стремительно мчался по трассе, вздымая облака снежной пыли и подставляя лицо бешеному ветру. Вот бы еще раз пережить то, что он чувствовал, когда, поднявшись на верхнюю ступень пьедестала, вздымал над головой сжатый кулак. Снова первый! Золотой Мальчик. Берг-Бомба. «ДжонДжон! ДжонДжон!» – скандировала его имя толпа. Самые красивые девчонки были готовы на все, лишь бы оказаться с ним рядом, а теперь он заперт в тюрьме невыносимо скучного брака. Он живет в скучном доме под названием «Розовый коттедж», и его жена ждет ребенка. Пройдет совсем немного времени, и он станет отцом, и тогда на него обрушатся новые обязанности. Как он с ними справится? Соб-

ственный отец Джона вот не сумел. Он вырвался из цепей брака, оставив Джона и его мать одних. Правда, он регулярно присылал деньги из Европы, где трахал молоденьких моделей, но мать Джона этого удара не вынесла. Она стала искать утешения в бутылке и бесконечной череде партнеров. В конце концов это ее и убило. «Мой отец убил мою мать», – думал Джон все эти годы. С отцом он не общался. Тот позволил ему один-единственный раз, когда сын выиграл олимпийское золото. Видимо, ему просто захотелось сказать всему миру: «Поглядите-ка на моего парня!»

– Послушай, – сказал Генри, – я тебя понимаю... Ты считал, что это место принадлежит тебе по праву...

– Именно поэтому мы и вернулись в Канаду, – перебил Джон и поднял руку, давая знак официантке принести еще виски. – Именно поэтому мы с Дейзи и приехали из Колорадо в Ванкувер. Именно поэтому я столько лет и вкалывал на «Терру Уэст» на курорте в Японии. Я считал, что это подготовка к следующему шагу.

– Времена изменились, Джонни-бой.

Джон откинулся на спинку дивана. Официантка принесла виски и забрала у него тарелку с почти нетронутым мясом. Что скажет Дейзи? Что скажут – и что подумают – все остальные? Получить такой щелчок по носу, да еще и публично, – такого унижения Джон не переживал никогда. А ведь он уже почти заказал новые визитные карточки!.. Дело было, конечно, не в карточках. Дело было в том, что, если

бы не обещание Лабдена, он бы и не подумал возвращаться в эту дыру. Но он вернулся, и теперь ему не оставляют выбора.

Джон поднял голову. Генри пристально смотрел на него, и в глазах старика мерцало что-то хитрое и одновременно злобное.

– Ты... ты смотришь на меня так, будто что-то еще можно исправить, – сказал Джон.

– Исправить можно все что угодно, пареньь.

Джон облизнул губы. Брюнетка за барной стойкой снова смотрела на него. Встретившись с ним взглядом, она быстро отвернулась. Черные волосы взлетели, наполовину скрыв ее лицо, и Джон почувствовал, что внутри как будто провернулся какой-то маховик. Как будто что-то закончилось. Или, наоборот, только начиналось.

Генри подался вперед. Тон его голоса изменился.

– Вот что я тебе скажу, Джонни... Никогда не позволяй другим решать, что ты можешь получить, а что – нет. Конечно, ты намного моложе меня, как говорится – другое поколение, но это ничего не меняет. Я тебя знаю. И знаю очень хорошо. – Он немного помолчал, словно давая собеседнику осмыслить свои слова, и Джон подумал, уж не намекает ли Генри на темные тайны его прошлого. – Такие парни, как мы с тобой, – продолжал Генри, – образуют закрытый клуб, хочешь ты того или нет. Мы единомышленники, партнеры, товарищи – называй как хочешь. И сейчас против нас идет война. Против нас, стариков и тех, кто вступил в зрелый воз-

раст. Причина этому одна – мы родились белыми, родились в те времена, когда нас с пеленок учили быть мужчинами. Поэтому нам и необходимо держаться друг за друга – особенно теперь, когда в моду вошла этакая политкорректность. Цвет кожи стал важнее, чем опыт. Какого черта?! – Он приподнял свой бокал и, оттопырив указательный палец, ткнул им в сторону Джона. – Ты должен взять то, что принадлежит тебе, парень. Борись за это.

Генри замолчал, но его глаза продолжали сверлить Джона, казалось, проникая в самую душу.

– Ты пригласил меня сюда только для того, чтобы высказаться?

– Я пригласил тебя, чтобы предупредить. Чтобы этот удар не стал для тебя неожиданностью. – Генри наклонился еще ближе, и Джон почувствовал исходящий от него запах виски и кровавого стейка. – Мне бы хотелось, чтобы это место досталось тебе, но при голосовании мое предложение провалили. Именно поэтому я и решил, что должен дать тебе возможность ударить на опережение. Когда-то ты умел бороться, ДжонДжон! И грязная игра никогда тебя не пугала. Ты никому не позволял подрезать тебе поджилки. Что ты сделал, когда все говорили, мол, тебе не взять золото на Олимпийских играх? Ты пошел и доказал им, что тебе это по плечу. Ты привез домой не одну, а две медали. Или с тех пор Берг-Бомба потерял хватку?

Джон стиснул зубы. В груди нарастали напряжение и

ярость.

Генри выпрямился.

– Слабые места есть у всех. По ним и нужно бить. – Он пристально посмотрел Джону в глаза. – У каждого есть слабости, пороки, у каждого есть *прошлое*. Каждый совершал ошибки. – Он выдержал паузу. – Особенно это касается молодых – таких, как Ахмед Вахид. Найди *его* слабое место. – С этими словами Генри придвинул к Джону небольшой картонный прямоугольник.

Джон взял визитку в руки. Никакого логотипа или товарного знака на ней не было – только набранное строгим шрифтом название «Частные расследования Престопа» и номера телефонов.

Зазвонил его мобильник, все это время лежавший на столе. Дейзи. Отвечать Джон не стал, и вызов переключился на голосовую почту. Как, как сказать жене, что ее отец предал его, предал их обоих?.. Он чувствовал себя обманутым. Ему показали лакомый кусочек, а когда он потянулся за ним – сунули под самый нос кукиш.

Джон повертел карточку в руках.

– Что это?

– Это телефон человека, который специализируется на подобных вещах. Он бывший коп и прекрасно знает свое дело. Когда позвонишь, спроси Джейка. Скажешь ему, что ты от меня. Ну, пока, *ДжонДжон...*

Генри Клей поднялся и ушел. Джон продолжал рассмат-

ривать карточку, а женщина за стойкой – его, теперь уже не таясь. Женщина за стойкой наблюдала за ним открыто, но ему было все равно или почти все равно. Джон Риттенберг чувствовал, что сидит на бомбе с часовым механизмом.

И обратный отсчет уже начался.

Дневник

Развевая по ветру прах мамы, я поехала в «Розовый коттедж», где жили мои новые клиенты. Адрес я знала, а дорогу мне помог найти GPS-навигатор. На пассажирском сиденье рядом со мной лежала пустая бамбуковая урна. К крышке прилипло несколько серых крупинок. Пепел. Прах моей матери. Каким-то образом ее частица все-таки осталась со мной вопреки всем моим усилиям.

«Розовый коттедж» находится в Пойнт-Грей – элитном поселке к востоку от города, рядом с университетом. Побережье там очень живописное, а пляжи просто супер. В этом районе живет немало до неприличия богатых людей, дома которых я убираю.

Пересекая мост Беррард, я вижу вдали горы Норт-Шор и думаю о «Стеклянном доме», стоящем на противоположном берегу. Там я тоже убираю, и довольно давно. Коттедж принадлежит чете Норт – ее зовут Ванесса, его – Харуто. Их соседка, старая Бьюла Браун, прикованная к инвалидному креслу, любит сидеть возле окна на втором этаже и разглядывать окрестности в бинокль. Может, в этот самый момент она смотрит на мост и даже видит мой желтый автомобильчик, но, конечно, не догадывается, что это я.

Когда я сворачиваю с шоссе на дорогу, ведущую к «Розо-

воту коттеджу», настроение у меня улучшается. Я люблю новых клиентов и сейчас вся в предвкушении. Это как первое свидание – не знаешь, чего ожидать, но надеешься на приятный сюрприз. Новый дом – как подарок на Рождество, как шкатулка с секретом. Новый дом полон подсказок, которые помогут мне проникнуть в тайны его жильцов. Что расскажет мне о своих владельцах «Розовый коттедж»? И как долго эти секреты будут меня интриговать и манить? Сумею ли я разгадать эти тайны достаточно быстро? Есть ли у этих людей аккаунты в социальных сетях, которые можно мониторить с телефона? Или, может, они покажутся мне достаточно занятыми, чтобы следить за ними лично? Интересно, испытывает ли то же, что и я, какой-нибудь детектив, которого вызвали на место кровавого преступления?

Остановившись на подъездной дорожке, я выключаю двигатель и некоторое время разглядываю дом. «Розовый коттедж» совсем не коттедж. Может, когда-то он им и был, но теперь дом полностью обновлен и перестроен в стиле, который я определила бы как «модерн Западного побережья». Много стекла, некрашеное дерево, на пологой крыше – солнечные батареи, которые как будто с гордостью заявляют: «Я забочусь об окружающей среде!» На свежесуженной дернине лужайки красуется табличка с надписью «Пассивная технология солнечного обогрева» – и мне хочется спросить: зачем? Что и кому хотели доказать хозяева,

оставив здесь этот знак? Может, они – супербогачи с комплексом вины, который и заставляет их кричать на весь свет: «Мне не все равно! Я забочусь о климате! И о природе! И о нацменьшинствах! И о бедных!»

Ну ладно, это потом, решаю я и достаю телефон, на который Холли должна была переслать мое рабочее расписание. Клиенты хотят, чтобы я убиралась у них дважды в неделю. Капитальная уборка по понедельникам, после выходных, и легкая – по пятницам.

Дома, похоже, никого нет. Я выхожу из машины и нажимаю на звонок у входной двери – для страховки. Однажды я вошла без предупреждения и наткнулась на клиентов, которые занимались сексом. Наступать на те же грабли мне не хочется.

На звонок никто не отвечает, и я действую в соответствии с инструкцией, которую Холли тоже прислала мне на телефон. Из почтового ящика я достаю ключ, отпираю входную дверь, иду к панели охранной сигнализации и ввожу код.

После этого я замираю на месте, оглядывая, оценивая обстановку. В интерьере преобладают прямые линии и светлые тона, которые нарушают яркие пятна картин и фотографии на стенах и нарочито грубая кладка камина. Оттуда, где я стою, видна стеклянная задняя дверь, а за ней – пышный сад. Я еще раз оглядываюсь по сторонам и чувствую растущее возбуждение. Это дает о себе знать мое

болезненное любопытство, моя зависимость. В кровь выплескиваются лошадиные дозы дофамина, адреналина, серотонина, и я наслаждаюсь этим изысканным гормональным коктейлем. Он – превосходное лекарство от печали, которую я испытывала утром. Возбуждение защищает меня от настоящих чувств и глубоких мыслей.

Да здравствует моя зависимость!

Я переносу из машины в прихожую пылесос и прочие принадлежности моего ремесла, переобуваюсь, вешаю на крючок дождевик, надеваю через голову фартук и начинаю обход, как всегда держа в голове, что в доме могут оказаться скрытые камеры для наблюдения за домашним животным или для слежки за нерадивой няней или горничной. Если такие камеры есть, мне придется быть особенно осторожной, чтобы удовлетворить свое любопытство. Впрочем, я достаточно хорошо знаю, как мне следует вести себя в подобном случае.

Сначала кухня.

Она выдержана в черно-белой гамме. Специальный холодильник для вина. Кофемашина премиум-класса. В раковину свалена оставшаяся после завтрака посуда: тарелки в крошках от тостов и потеках желтков, грязные кофейные кружки, недоеденный грейпфрут. На краю столешницы лежит какая-то бумага, и я направляюсь к ней. При ближайшем рассмотрении бумаг оказывается две. Одна из них – обычная записка-напоминание о какой-то встрече, а

вот вторая... Это распечатка результатов ультразвукового исследования. Я беру ее в руки и чувствую, будто меня ударили ногой в живот. Но почему? Я не знаю. Тот факт, что в «Розовом коттедже» живет ожидающая ребенка супружеская пара, которая к тому же достаточно богата, чтобы позволить себе пользоваться услугами клининговой службы дважды в неделю, не должен меня удивлять. В этом нет ничего такого, и все-таки в груди у меня ноет и болит.

Я внимательно разглядываю черно-белый снимок плода и чувствую, как мое настроение неуклонно ухудшается, поэтому я как можно скорее откладываю бумагу и возвращаюсь в гостиную. Здесь мое внимание привлекает прозрачная раздвижная дверь, за которой виднеется ухоженный сад. Вдоль забора в глубине сада тянется аккуратно подстриженная живая изгородь и растет несколько деревьев. За оградой, похоже, проходит улица или дорога.

Я оборачиваюсь и вижу две огромные фотографии в рамках, которые висят на стене по обеим сторонам камина.

Я застываю, точно в меня ударила молния.

Я не могу пошевелиться.

Я не могу даже думать.

В голове у меня раздается пронзительный вопль. И он становится все громче. Как будто песчаная буря скрежещет по оконным стеклам моего разума, как будто воют и скребутся баньши, стараясь пробраться внутрь. Мои ступни приросли к полу. Сердце стучит как сумасшедшее. Сейчас

я потеряю сознание.

Мое тело паникует, а разум еще ничего не понял.

Моя психоаналитичка говорила мне, когда мы обсуждали травму и ее последствия, что человеческое тело реагирует, даже когда мозг отказывает. Иногда человек не может вспомнить травмирующее событие, не говоря уже о том, чтобы рассказать о нем, поскольку сознание надежно блокирует все, что связано с этим переживанием. Такой человек пытается вести себя так, будто ничего необычного и страшного с ним не произошло, но его тело все помнит. Она привела такой пример: одна женщина попала в ужасную аварию, несколько человек погибли страшной смертью прямо у нее на глазах. Вполне естественно, что женщина старалась не вспоминать о случившемся. Вместо этого она пыталась, как говорится, «жить дальше», и какое-то время это у нее получалось. Ей даже стало казаться, что теперь с ней все в порядке, но прошли месяцы или годы, и эта женщина случайно оказалась на том самом месте, где та авария произошла. И этого оказалось достаточно, чтобы в ее теле сработала химическая мина замедленного действия. Ожила нейронная память, а в кровь хлынули гормоны, которые отвечают за базовую эволюционную реакцию «бей-беги-замри». А поскольку женщина так и не создала для себя внятный нарратив, который помог бы ей справиться с последствиями травмы, в ее мозгу произошло что-то вроде короткого замыкания.

Вот и меня сейчас тоже «замкнуло». Так мое тело отреагировало на фотографии, которые я увидела на стене возле камина. Огромные, семь футов на четыре, они занимают здесь господствующее положение. На одном из снимков запечатлен горнолыжник в шлеме и очках, большие похожий на победоносного средневекового воина. Его мускулистое тело затянута в лайкру, могучие ноги напоминают поршни чудовищного механизма. Лыжник мчится по трассе, а мне кажется – он летит прямо на меня, изогнувшись под невероятным углом, чтобы не зацепить слаломные ворота. На другой фотографии он уже внизу – тормозит в облаке поднятых лыжами снежинок, и его рука с изломанной лыжной палкой поднята над головой в победном жесте.

Я пытаюсь сглотнуть. Пытаюсь дышать.

Это он.

Нужно успокоиться. Я твержу себе: «Эти фотографии вовсе не значат, что ты в его доме и что на результатах УЗИ, которые ты нашла в кухне, именно его ребенок». «Розовый коттедж» может принадлежать кому угодно, например – какому-то коллекционеру, который купил эти фотографии на аукционе. Может, владельцы дома – просто фанаты скоростного спуска.

Обливаясь потом, я озираюсь по сторонам. На книжном шкафу стоят несколько фотографий поменьше, и я бросаюсь к ним. Свадебное фото. Помолвка. Счастливые молодожены на фоне египетских пирамид, львов, слонов, океанов,

джунглей, горных вершин. На всех фотографиях запечатлены одни и те же лица, которые с годами почти не меняются.

Это он.

Джон Риттенберг.

И его жена Дейзи.

Он вернулся.

Он здесь, в моем городе, Ванкувер – мой город, стал моим!

Но ведь он уехал... Уехал давно!

И тем не менее я здесь, в его доме. Меня наняли, чтобы убирать за ним грязь.

Я вздрагиваю и резко поворачиваюсь к кухне. УЗИ на столе. У Джона Риттенберга будет ребенок.

Скоро.

Мои пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Ногти глубоко впиваются в ладони, но я не чувствую боли. Меня трясет. Перед глазами все расплывается. Столько лет... Столько лет я трудилась не покладая рук, пытаюсь построить новую жизнь, в которой у меня будут друзья, будет покой... Возможно, даже немножечко счастья. И вот в одну секунду я вернулась к самому началу, словно всех этих лет и не бывало.

Меня начинает тошнить. Застигнутая врасплох, я со всех ног бегу в ванную и едва успеваю поднять крышку унитаза. Стоя на коленях, я обнимаю его холодную белую чашу, пока мои внутренности рвут жестокие спазмы.

Сначала прах матери. Теперь это...

Два события.

Именно они запустили внутри меня этот необратимый процесс...

Вот так, дорогой Дневник, я совершила тот самый прорыв в неизвестное. Или, наоборот, в то, что я хорошо знала, но старалась забыть. Теперь все изменится. Я – в доме Джона Риттенберга, и у меня есть ключ.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Мэл и Бенуа постучали в парадную дверь дома Бьюлы Браун.

Нож, пропавший из кухни «Стеклянного дома», был найден на дне бассейна. Его отправили в лабораторию вместе с другими уликами. Мэл поручила местным патрульным обойти соседей – ей очень хотелось найти еще одного свидетеля. Ее группа в участке уже начала поиски Харуто и Ванессы Норт. На вторую половину дня Мэл назначила совещание с участием всех занятых в расследовании детективов, на котором они постараются выяснить, с чем имеют дело.

Ну а пока Бенуа снова постучал, на этот раз – громче и настойчивей. Стены по обеим сторонам от двери густо поросли плющом, поэтому казалось, будто она ведет в какую-то темную и мрачную пещеру. Никакого сравнения со зданием по соседству, насквозь пронизанным светом.

Наконец дверь приоткрылась.

– Что вам? – хмуро спросил у детективов мужчина с бледным круглым лицом. Мэл заметила, что он продолжает держаться за ручку двери, словно готовясь в любую секунду за-

хлопнуть ее прямо перед их носом.

– Сержант Мэллори ван Альст, – представилась Мэл. – А это мой напарник, капрал Бенуа Салуму.

Оба детектива предъявили удостоверения.

– Мы по поводу звонка в Службу спасения, который был сделан миссис Бьюлой Браун, проживающей по этому адресу. Нам необходимо с ней поговорить.

– Поговорить с мамой? Да с тех пор, как ей прописали опиаты, она набирает 911 минимум раз в месяц. У нее рак. Терминальная стадия. Маме уже много лет, не удивительно, что ей иногда что-то... мерещится. Странные звуки в доме. Посторонние в саду. Люди с фонариками, которые бродят в кустах по ночам. Подозрительные типы, которые следят за нами из лодок на канале. Местное отделение полиции присылает патрульных, и мне приходится просыпаться и объяснять им... ситуацию. Они, ясное дело, тут все проверяют, у вас ведь не принято верить на слово тем, кто открывает дверь и утверждает, что все в порядке, – и каждый раз ничего. Ну, может, какая кошка или енот роются в объедках, или бродяга ищет алюминиевые банки и бутылки в мусорном контейнере...

Все это мужчина произнес, ни на шаг не отходя от двери и прижимая ее к себе, словно хотел помешать Мэл заглянуть в дом.

– Как вас зовут, сэр? – спросила она, сохраняя на лице нейтральное выражение.

– Хортон. Хортон Браун. Это мой дом. Точнее, мамин, но я сейчас живу с ней.

– Можем мы войти? Мне сообщили, что миссис Бьюла Браун прикована к инвалидной коляске и никуда не выходит из своей комнаты на втором этаже.

Хортон тяжело вздохнул и отступил в сторону, пропуская детективов в прихожую. Мэл быстро переглянулась с Бенуа. Тот слегка кивнул и повернулся к мужчине.

– К вам у меня тоже есть пара вопросов, мистер Браун. Поговорим в гостиной, пока сержант ван Альст поднимется к вашей матери?

Хортон недовольно хрюкнул, но повел Бенуа в гостиную, обставленную мягкой мебелью с узором в виде огромных роз, похожих на растрепанные капустные кочаны. На спинках дивана и кресел красовались старомодные, вязанные крючком салфетки. Да, несомненно, эта мебель принадлежала матери Хортон. Из кухни появилась заросшая мальтийская болонка и, громко цокая по деревянному полу когтями, направилась следом за мужчинами.

Мэллори тем временем поднялась по лестнице на второй этаж. Интересно, спросила она себя, как часто Бьюла Браун спускается вниз и спускается ли вообще. Небольшое окно над верхней площадкой выходило на океан. Дверь комнаты была приоткрыта.

– Миссис Браун?.. – Мэл постучала. – Меня зовут сержант ван Альст, Мэллори ван Альст. Я хотела бы задать вам

несколько вопросов по поводу вашего звонка в Службу спасения.

– Входите, сержант, – раздался в ответ слабый скрипучий голос.

Мэл зашла. Комната на втором этаже была довольно просторной. В ней стояли электрическая медицинская кровать, кислородный компрессор, инвалидное кресло, удобный на вид диван и несколько кресел, такие обычно называют «креслами для чтения». В углу Мэл увидела еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела в ванную комнату, а у дальней стены была оборудована небольшая кухонная зона. Фасадные окна выходили на океан. Из большого углового окна прекрасно просматривался соседний дом с бассейном и подъездная дорожка. Французские окна сбоку выходили на небольшой балкон. Что ж, подумала Мэл, по крайней мере, старуха может иногда подышать свежим воздухом.

Бьюла Браун скорчилась в старомодном кожаном кресле с высокой спинкой и, положив распухшие ноги на пуфик, глядела на океан. Ее колени были накрыты вязаной шалью. На небольшом круглом столике рядом стояли термос, чашка с остатками чая, ваза с печеньем и большой бинокль.

– Я думала, никто так и не придет, – сказала она.

В ее голосе Мэл почудился легкий британский акцент.

– Они считают – я давно спятила, понимаете? Подойдите ближе, сержант. Вот так, да... Присаживайтесь. Хотите чаю? Только вам придется самой взять чашку из буфета. У меня

в термосе еще кое-что осталось. Надеюсь, он еще не совсем остыл.

– Нет, спасибо. Я обойдусь.

– Тогда садитесь. Так приятно поговорить с кем-нибудь, пусть даже и с полицейским.

Мэл осторожно опустилась на кресло.

– Прекрасный вид, – заметила она. Из углового окна был хорошо виден бассейн, возле которого все еще возились несколько экспертов в белых одноразовых комбинезонах. В окнах верхнего этажа «Стеклянного дома» тоже было заметно какое-то движение. Перегораживавшая подъездную дорожку желтая полицейская лента выгнулась дугой под напором ветра.

– Да, очень хороший. Две недели назад Хортон купил мне отличный бинокль, теперь я могу разглядеть даже противоположный берег залива. И моряков на танкерах в бухте. Они ведь приплывают сюда со всего мира, представляете? Сегодня я насчитала двенадцать танкеров. Только посмотрите, какие огромные – и все ждут разрешения войти в порт.

Мэл послушно посмотрела. Вода залива сверкала на солнце.

– Признаться, меня больше интересует вид на соседний дом, – сказала она. – И на подъездную дорожку.

Быюла чуть скривила губы, но ее слезящиеся глаза оживились и заблестели.

– Я слишком стара, чтобы притворяться, будто никогда не

смотрела в ту сторону, – сказала она и, подавшись вперед, добавила шепотом: – Только пусть это останется между нами, договорились?.. А с биноклем стало еще интереснее. В очках много не разглядишь.

Мэл улыбнулась.

– Вы, наверное, нечасто выходите?

В лице Бьюлы что-то дрогнуло, и она отвернулась.

– Хортон... – сказала она тихо. – Он желает мне добра.

Вот даже бинокль купил.

Мэл достала и открыла блокнот, щелкнула шариковой ручкой.

– Вы сообщили, что слышали громкий крик, миссис Браун. Не могли бы вы рассказать своими словами, что именно вы видели и слышали?

– Зовите меня просто Бьюла, – попросила женщина. – И... Вчера поздно вечером я проснулась в одиннадцать часов и двадцать одну минуту. Точнее, меня что-то разбудило. Некоторое время я просто лежала в постели, пока не услышала это снова. Крик. Женский крик.

Мэл сделала пометку в блокноте.

– Вы уверены насчет времени?

– Да, уверена. Я теперь веду журнал...

– Журнал? – Мэл удивленно вскинула на нее взгляд.

– Журнал или дневник... Я записываю все, что вижу из окна. Все, что происходит в саду. На воде. У соседей. На дорожке вдоль волнолома напротив моего участка. Иногда в

заливе встает на якорь какая-нибудь яхта, и я смотрю, как люди на борту пьянствуют или еще что... И все записываю. Во сколько они встали на якорь, в котором часу двинулись дальше. Скольких сапбордеров⁸ я видела и когда. Я начала вести журнал несколько недель назад, потому что Хортон постоянно мне твердил – я, мол, многое забываю или вижу вещи, которых на самом деле нет. Он говорил даже, что я забываю принимать лекарства, и настаивал, чтобы врач прописал мне более сильные препараты. Я испугалась, что Хортон может быть прав и что я действительно принимаю не те таблетки, которые нужно, потому что... потому что в последнее время мои дни стали слишком уж похожи друг на друга и я не всегда могу сказать точно, что и когда я делала. Поэтому я и начала записывать, что за таблетки принимаю и когда. Имена своих сиделок. Я даже записываю, сколько раз сходила в туалет... – Бьюла хихикнула. – В противном случае они будут пытаться заставить меня сходить еще раз. Да, дорогая моя, старость – это не для слабаков. – Она немного помолчала и добавила: – Это тяжелый труд, иногда я даже спрашиваю себя, а стоит ли оно того...

Мэл почувствовала, как у нее стиснуло грудь.

– Мне очень жаль слышать это, Бьюла.

Старая женщина снова усмехнулась.

⁸ Сапбординг, сапсёрфинг, – водный вид спорта, разновидность сёрфинга, в котором серфер, стоя на доске, гребет веслом, а не руками, как в классическом сёрфинге.

– Звонки в Службу спасения приятно разнообразят мое унылое существование.

При этих словах Мэл невольно вернулась к мысли о том, насколько надежной можно считать эту свидетельницу.

– Давайте вернемся к тому, что вы видели...

– Подайте мне, пожалуйста, очки для чтения, – попросила Бьюла и потянулась к тетради, лежавшей на столе рядом с термосом.

Мэл протянула ей очки, Бьюла водрузила их на нос и, раскрыв тетрадь, провела по странице скрюченным пальцем.

– Начну со вчерашнего дня, потому что мне кажется, все это началось вчера – тридцать первого октября – в шесть часов четырнадцать минут пополудни. Канун Дня Всех Святых. Когда я была маленькой, мы Хеллоуин не праздновали. Мы...

– Давайте вернемся к событиям вчерашнего дня. Итак, что произошло в восемнадцать часов четырнадцать минут?

– В «Стеклянный дом» приехали гости. «Стеклянный дом» – так все соседи называют «Нортвью».

Мэл кивнула.

– Что за гости?

– Пара на темно-сером «ауди». В шесть четырнадцать они свернули на подъездную дорожку, а в шесть пятнадцать вышли из машины. Мужчина высокого роста, хорошо сложенный, волосы рыжевато-коричневые. Женщина – брюнетка с длинными волнистыми волосами.

– Превосходно, Бьюла! Не каждый полицейский в нашем участке смог бы заметить столько подробностей.

– Я люблю детективные романы и сериалы, сержант. Я часто смотрю их по Интернету, а чем мне еще заниматься? В основном – британские. Что до книг... сейчас мне трудно читать – зрение подводит, но, когда я была маленькой девочкой и жила в Йоркшире, я буквально зачитывалась детективными романами. – Она печально улыбнулась, и морщины на ее лице стали глубже. – Когда-то я сама хотела написать роман о женщине-детективе, но никак не могла собраться, а потом... Вот еще один урок, сержант: в жизни нужно следовать велению своего сердца. Тот, кто все откладывает на потом, остается ни с чем. Стоит немного замешкаться, и вот уже твоя жизнь подошла к концу и ты стоишь на пороге смерти.

– Что еще вы можете сказать об этой паре? – Мэл постаралась как можно мягче вернуть старую женщину к интересовавшим ее вопросам. Она чувствовала, что ей нужно спешить – в расследовании убийства самыми важными считаются первые сорок восемь часов. Да, успех мог зависеть от показаний единственной свидетельницы, но и слишком торопить Бьюлу не следовало. Мэл понимала, что любое давление на пожилую женщину могло выйти боком.

Бьюла Браун заглянула в свой журнал.

– Мужчине, наверное, было что-то около сорока. Женщина примерно того же возраста или чуть помладше. И еще: она была беременна. Месяцев семь-восемь.

– Беременна? – переспросила Мэл и прищурилась.

– Да. Как Ванесса Норт.

– То есть Ванесса Норт, владелица «Стеклянного дома», тоже в положении?

– Да. И примерно на том же сроке. Во всяком случае, живот уже заметен. В последний раз я видела Ванессу в прошлую пятницу. Кстати, тогда же я впервые увидела и эту брюнетку. Они сидели возле бассейна – у них там было что-то вроде позднего ланча. Да, я совершенно уверена, они обе беременны.

Мэл подумала о следах борьбы, о кровавых лужах, которые она видела в «Стеклянном доме», и почувствовала, как сердце забилося чаще. Им определенно нужно спешить.

– Скажите, Бьюла, пара, которая приехала в гости... У них было что-нибудь с собой?

Бьюла снова заглянула в тетрадь.

– Цветы. У женщины в руках были цветы, в основном – белые. И что-то вроде торта в коробке. Я еще подумала, что Норты, наверное, пригласили их на ужин.

Мэл сделала еще одну пометку в блокноте.

– Хорошо. Что было дальше?

– Не могу вам сказать. Пришла моя сиделка. Я поужинала, потом сиделка меня искупала и уложила в кровать. Должно быть, из-за лекарств я почти сразу отключилась, а когда проснулась... когда я проснулась, то была вся мокрая от пота и очень нервничала. Было темно, шел дождь... Когда я

поняла, что меня разбудил крик, я кое-как пересела в кресло и подкатилась к окну. Тогда я и увидела...

– Что вы увидели, Бьюла?

– У Нортов горел свет. Везде. Дом был похож на сверкающую стеклянную шкатулку. Даже подсветка бассейна была включена – такой таинственный, зеленоватый свет... Двери гостиной были распахнуты, несмотря на дождь, и я увидела там перевернутый кофейный столик. А потом я увидела эту пару... Они были в черных дождевиках с капюшонами. Они тащили вдоль бассейна что-то тяжелое, завернутое в ковер. Я знаю, что это был ковер из гостиной, потому что когда сегодня утром посмотрела в бинокль, то увидела, что его там больше нет. Так вот, эти двое вытащили ковер через калитку на улицу. Тут сработал датчик движения, включилось уличное освещение, но рассмотреть подробности было трудно – шел дождь, да и туман был довольно густой.

– Продолжайте, Бьюла. Что было дальше?

– Как я и сказала, ковер, похоже, был очень тяжелым, поэтому им пришлось с ним повозиться, а женщине еще и живот мешал, – но в конце концов они запихали сверток на заднее сиденье машины. Той, которая «ауди», а не другая.

От нетерпения Мэл заерзала на стуле, но сумела взять себя в руки.

– Какая еще *другая*?

– Маленькая желтая машинка, на которой приехала уборщица. «Субару» с логотипом «Помощь Холли» на дверце.

Уборщица приехала еще утром, но ее машина все еще стояла на подъездной дорожке, когда приехали двое на «ауди». Я подумала, уборщица, наверное, задержалась, чтобы помочь подавать на стол или привести все в порядок, когда ужин закончится.

– Как вам кажется: кем была беременная женщина, которая тащила ковер? Это была Ванесса Норт или брюнетка из «ауди»?

Бьюла нахмурилась.

– Не могу вам сказать. Я была без очков, да и на ней был широкий плащ с капюшоном. Тогда я решила, что это была брюнетка, потому что она села в «ауди», но после того как вы спросили... Нет, не знаю.

– А уборщица больше не появлялась?

– Нет. После того как ковер погрузили в «ауди», обе машины очень скоро отъехали. Похоже, они сильно спешили, даже на знаке в конце улицы не остановились. Этот знак хорошо видно из моего углового окна. Нет, они даже не подумали остановиться – просто сорвались с места и растворились в темноте и тумане – только шины визжали. Я боялась, что они собьют кого-то из детей, которые в Хеллоуин ходят по домам и выпрашивают угощение, но потом подумала, что в такую поздноту все дети, наверное, уже дома.

– Видели ли вы кого-нибудь в доме *после* этого?

– Нет, не видела, но, возможно, я кого-то не заметила: как раз в это время я собралась звонить в Службу спасения, а те-

лефон лежал на столике возле кровати. Мне пришлось отъехать от окна, чтобы...

– Понятно. Вы можете описать уборщицу?

– На вид ей лет двадцать восемь – тридцать, примерно столько же, сколько правнучке моей двоюродной сестры. Моя сестра умерла в прошлом месяце.

– Сочувствую вашей потере, Бьюла. Может, вы еще вспомните, во что была одета уборщица? Какого цвета у нее волосы?

– Светлые. Она блондинка и весьма симпатичная. Я видела ее лицо в бинокль. Очень, очень приятная девушка. Она машет мне рукой каждый раз, когда видит, что я на нее смотрю. Ну а одета она была в униформу, которую носят сотрудники «Помощи Холли»: синий комбинезон на лямках и розовая рубашка. Да, у нее такая забавная прическа – волосы зачесаны наверх и собраны в два пучка, как уши у кошки. Но ей идет. И еще, она всегда носит на шее бархотку. – Бьюла слегка нахмурилась. – Знаете, может, это из-за прически я решила, что она молодая, хотя... Нет, она всегда была такая бойкая, веселая, как бывают только молодые люди. И походка у нее энергичная. – Бьюла потянулась к чашке с давно остывшим чаем. Рука у нее дрожала, а глаза слезились. Похоже, женщина порядком утомилась.

– А вы, случайно, не заметили, – спросила Мэл как можно мягче, – во что была обута уборщица вчера?

– Заметила. На ней были белые кроссовки с оранжевой

полоской. — Бьюла отхлебнула еще глоток чая, потом медленно поставила чашку обратно на блюдце. — Хортон как-то разговаривал с ней через забор сада, — добавила она. — Я видела их в окно. Когда он поднялся ко мне, я спросила, знает ли он, как ее зовут... — Она ненадолго замолчала, и в ее глазах промелькнуло какое-то странное выражение. — Он сказал, что ее зовут Кит.

Дневник

В маленькой ванной комнате на первом этаже «Розового коттеджа» я ополаскиваю лицо холодной водой. Подняв глаза на зеркало, я натываюсь на свой же осуждающий взгляд. Секунда, и я начинаю спорить сама с собой. Все мои внутренние голоса, грубо разбуженные недавним потрясением, наперебой кричат у меня в голове, стараясь высказать свое, стараясь быть услышанными:

«Откажись! Откажись от этих клиентов, пока еще не поздно! Позвони Холли, скажи, что не можешь здесь работать!»

«Ты только подумай, что здесь можно найти! Все секреты и мрачные тайны, которые скрывают Риттенберги! У тебя есть ключ, и ты знаешь, как отключать охранную систему. «Розовый коттедж» в твоём полном распоряжении, детка. Ты можешь заниматься им неделями, пока не выпотрошишь до конца!»

«Ты серьезно собираешься это сделать? Черта с два, Кит! Даже не думай. Беги отсюда, НЕМЕДЛЕННО!»

«Ты погубишь себя. Стоит перешагнуть черту, и ты уже не сможешь повернуть назад. В тебе всегда это было, Кит, – стремление к саморазрушению, к необратимым поступкам, но на этот раз все очень серьезно. Более чем се-

рлезно».

«Да ладно! Какое еще саморазрушение? Наоборот, будет прикольно. В конце концов, тебе ведь нечасто приходится убираться в доме знаменитого спортсмена».

«А что сказала бы по этому поводу твоя психоаналитичка? Она сказала бы, что тебе необходима помощь. То, что ты собираешься сделать, – ненормально».

«А что такое «нормально»? И кому оно нужно? Я давно подозревала, что так называемую норму сильно переоценивают».

Я слушаю эти голоса и вскоре замечаю, что дерзкая, бесшабашная Кит начинает одерживать верх над Кит Осторожной, Кит Благоразумной. Что ж, да будет так... Я сухо вытираю лицо, выпрямляюсь и делаю медленный, глубокий вдох. Потом я достаю из кармана фартука тюбик неоновро-розовоу помаду. Я всегда держу его при себе. Это моя боевая раскраска. И моя броня. Наклонившись к зеркалу, я аккуратно обновляю на губах цвет – цвет радости, игры, агрессивной женственности. Причмокнув губами, чтобы помада распределилась равномерно, я снова гляжу в зеркало, оценивая результат. То, что получилось, мне нравится. Миленько, игриво, и в то же время – никакой беззащитности. Интересно, что сказала бы по этому поводу моя психоаналитичка. Напоследок я убираю с лица выбившиеся пряди и забрасываю в рот пластинку коричнеу жевательной резинки. Я давно заметила, что жевательные движения по-

могают мне сосредоточиться и направить адреналин в конструктивное русло.

Смотрю на часы. Времени остается в обрез. Пожалуй, я еще успею наскоро осмотреть дом, после чего придется приниматься за уборку всерьез. Ладно... Я завожусь таймер на часах и, стараясь не смотреть на огромные фотопортреты в гостиной, торопливо поднимаюсь наверх. На втором этаже четыре просторных спальни и кабинет. В первых двух спальнях стоят аккуратно заправленные полуторные кровати – наверное, спальни для гостей. Ничего интересного. Другое дело – кабинет. Он, несомненно, принадлежит Джону. Типичная «мужская берлога». На стенах – черно-белые фотографии иззубренных горных вершин. На полках только документальная проза, в основном – воспоминания участников и героев различных экстремальных предприятий: восхождений на недоступные пики, погружений в глубины океана, экспедиций через девственные джунгли и проч. Немало здесь и книжонок из серии «Помоги себе сам» (как стать лучше, сильнее, выносливее, как нарастить мускулы, как заставить людей прислушиваться к тебе), а также руководств по низкоуглеводной и кетогенной⁹ диете. В углу – велотренажер «Пелотон» с огромным монитором и подключением к Интернету (рядом на полу специальные туфли для занятий), а также коврик для йоги и гантели. Все говорит о

⁹ Кетогенная диета, кетодиета – диета с высоким содержанием жиров и умеренным содержанием белков.

том, что стареющий олимпийский чемпион обрюзг, отработил живот и очень из-за этого комплексует. При мысли об этом я испытываю приступ злорадства. Так ему и надо!..

На стеклянном столе стоит моноблок «Ай-Мак» с большим вогнутым экраном. У меня вдруг появляется ощущение, что Дейзи и Джон Риттенберг живут в этом доме совсем недавно. Все здесь какое-то слишком новое.

Я поворачиваюсь, чтобы выйти из кабинета, но мое внимание внезапно привлекает одна из фотографий. Изображенная на ней вершина хорошо мне знакома. Это та самая гора, у подножия которой я выросла. На ее склоне раскинулся горнолыжный курорт мирового класса, а всего в двух часах езды к югу от него находится городок, куда переехал мой отец, когда администрация курорта предложила ему работу. Папа был «инженером по санитарной профилактике» и трудился на водоочистительной станции, куда поступали канализационные стоки курортного поселка.

Мой мозг завлакивает багровая пелена. Словно наяву я слышу голоса одноклассников, которые наперебой дразнили меня с первого же школьного дня. «Папа Катарины Говнович работает на говняном заводе! Эй, Катарина Фекалович, как зовут твою собачку? Дворняжка-Фекашка?» Я слышу взрывы издевательского смеха и чувствую в груди старую боль и обиду. Я снова становлюсь прыщавой и толстой, и мои глаза наполняются жгучими слезами. Когда-то давно, когда я возвращалась из школы заплаканная, мама обнима-

ла меня, прижимала к груди и говорила, что на самом деле я красавица.

Господи, как же мне не хватает ее сейчас!

Я поспешино выхожу из кабинета и захлопываю за собой дверь, оставляя глумливых хохочущих богатеньких детей внутри. Тех самых детей, чьи дома убирала моя мама, чьи постели она стелила, чью одежду она стирала и развешивала в гардеробных.

Хозяйская спальня отделана в мягких серых тонах. Дневной свет заливает комнату сквозь большие окна. К спальне примыкает ванная комната и гардеробная. Поглядывая одним глазом на таймер, я захожу в спальню и останавливаюсь, впитывая царящую здесь атмосферу. Мой взгляд падает на огромную двуспальную кровать. Я делаю шаг и склоняюсь над ночным столиком, на котором лежит упаковка салфеток и какая-то книга. Я беру ее в руки и вижу, что это воспоминания популярного режиссера о постановке реалити-шоу о жизни богатых домохозяек. Похоже, на этой стороне спит Дейзи... Мой взгляд устремляется на половину Джона. Вот, значит, где они занимаются сексом, может, и ребенка тоже здесь зачали...

Я словно каменею изнутри. Я чувствую тяжесть в желедке, словно там лежит холодное чугунное ядро.

В моих ушах снова раздается голос моей психоаналитички. Она спрашивает: «Почему, Кит? Почему ты все это чувствуешь? Почему поступаешь так, а не иначе? Попробуй на-

писать почему, и, быть может, в конце концов тебе откроется какая-то новая истина!»

Но сама себе я таких вопросов не задаю. Я прекрасно знаю почему. И истина мне уже открылась. Я словно провалилась в кроличью нору и оказалась в лабиринте извилистых, уходящих в темноту ходов, которые ведут в сводчатые подземные комнаты, уставленные кривыми, как в комнате сме-ха, зеркалами. И в каждом из них я вижу себя. Мои отра-жения размножены как в калейдоскопе. Вот одно из них. Я смотрю на него и узнаю толстую, унылую тринадцатилет-нюю Катарину Попович. Каким-то образом я ухитрилась забыть о ее существовании, но сейчас она вернулась и сто-ит передо мной как живая.

А вот это Катарина, которая получала хорошие отмет-ки, но, как только я поворачиваюсь к ней, у меня в ушах на-чинает шуметь, а Катарина-отличница бросает школу и исчезает в тумане.

Потом я вижу Кит-уборищицу, у которой полным-полно друзей и которая вполне довольна жизнью, потому что ей не надо соответствовать никаким требованиям, Кит, ко-торая умеет становиться невидимой. А еще я вижу Кит, которая вместе со всей любительской труппой выходит на сцену в лучах театральных софитов: она играет, меняет маски, вживается в разные роли. Я вижу Кит летом, когда она импровизирует прямо на улице, увлекая случайных зри-телей интерактивным театральным представлением или

просто надувая воздушные шарик для детей... Есть и другие Кит и Катарин, но мне никак не удастся рассмотреть их как следует. Они стремительно скользят из одного зеркала в другое, прячутся в темноте подземных коридоров и оттуда следят за мной, манят, шепчут что-то едва уловимое.

В конце концов я прихожу в себя и решительно выбираю из головы всех этих Кит и Катарин. У меня есть еще несколько минут, и я иду в ванную комнату. Там я заглядываю во все ящички, обыскиваю все полочки, рассматриваю косметику и лекарства. Я вижу антидепрессанты. Вижу снотворные и тонизирующие средства. В этом что-то есть, и я непременно сюда вернусь, но позже, а сейчас таймер у меня на руке подает сигнал. Пора приниматься за уборку.

И все же я спешу в последнюю комнату, но, открыв дверь, замираю на пороге.

Это детская.

Я вхожу чуть ли не на цыпочках, провожу ладонью по лакированной деревянной спинке детской кровати. Внутри лежит мягкая игрушка – маленький медвежонок. Меня заполняет странное чувство. Над кроватью висит музыкальный мобиль с подвесками в виде цирковых слоников и единорогов, раскрашенных в мягкие пастельные тона. Я завожу механизм, и они начинают вращаться, вызывая колыбельную, от звуков которой у меня в голове всплывают

образы уединенных хижин в темных лесах и заблудившихся Красных Шапочек, которые идут к бабушкам, а встречают волков или кого похуже. Музыка еще звучит, а слоны с единорогами еще танцуют, когда я делаю шаг к высокому пеленальному столику и провожу кончиками пальцев по его крышке.

Эта комната меня душит. Высасывает из меня силы.

Я еще вернусь сюда, но... в другой раз.

Если бы я прочла эти страницы своей психоаналитичке, она наверняка спросила бы, хочу ли – или хотела ли я – иметь детей. Возможно, я бы рассказала ей, что однажды была беременна. И что теперь это больше невозможно. Что в тот самый первый раз моя матка получила серьезные повреждения, осложненные инфекцией. Может, я даже расскажу ей, как все получилось. Может, даже объясню, что эта моя неспособность иметь ребенка погубила мой первый – очень недолгий – брак.

А может, и нет.

Я спускаюсь в кухню и долго рассматриваю УЗИ-сканогамму.

Если сегодня я справлюсь с уборкой достаточно быстро, у меня, возможно, останется несколько минут, чтобы подняться в детскую и сделать селфи с этим снимком в руках на фоне слонов и единорогов.

#сюрприз; #ждемребенка; #яимоймалыш; #мытаксчаст-

Фотографию я выложу в своем аккаунте @лисицаиворона. Неплохая выйдет шутка. Нужно от души выстебать показное совершенство, с которым я столкнулась в «Розовом коттедже» в первый же день работы.

Эта мысль приводит меня в отличное настроение, я включаю пылесос и приступаю к уборке.

Джон

17 октября 2019 г. Четверг

За две недели до убийства

Сгорбившись над столом, Джон сидел в «Охотнике и псе» и вертел в руках оставленную Генри визитную карточку. По правде сказать, он был потрясен. Что-то подобное мог бы испытывать альпинист, которого предал партнер по восхождению. Еще недавно они в одной связке поднимались по отвесной стене, но сейчас страховочная веревка оказалась обрезана, и Джон падал, падал, падал в бездонную пропасть, слыша, как свистит в ушах ветер.

ДжонДжон-ДжонДжон...

Берг-Бомба потерял хватку...

– Сэр?..

Джон вздрогнул и, вскинув голову, растерянно уставился на подошедшую к столику официантку.

– Прошу прощения, я не хотела вам мешать, – извинилась она, ставя перед ним бокал виски на подставке. – Это от женщины за барной стойкой.

Джон посмотрел в направлении бара. Знойная брюнетка все еще была там. Встретив его взгляд, она слегка припод-

няла свой бокал мартини и улыбнулась.

Немного растерянный, но польщенный, Джон отсалютовал в ответ, потом, немного поколебавшись, сделал приглашающий жест и проговорил одними губами:

– Присоединитесь?

Но незнакомка отрицательно покачала головой, снова улыбнулась и повернулась к нему спиной.

Джон был заинтригован. Сделав глоток из бокала, он некоторое время наблюдал за женщиной, потом поднялся и, лавируя между многочисленными посетителями, направился к стойке. Там он кое-как втиснулся в узкое пространство между брюнеткой и соседним табуретом, на котором сидел какой-то толстяк, оказавшись почти вплотную к ней.

От брюнетки исходил чарующий запах дорогого парфюма. Музыка заиграла громче – на эстраду вышли музыканты, затянувшие ирландский скрипичный дуэт.

– Благодарю вас, мэ, – сказал Джон.

Ее губы, накрашенные темно-красной помадой, чуть заметно изогнулись. У брюнетки были большие зеленые глаза. Да, вблизи она выглядела не менее привлекательно, чем издалека.

– Вовсе не обязательно было меня благодарить, – ответила женщина.

– С моей стороны было бы невежливо...

– Я вовсе не собиралась... навязываться, – перебила она. – Возможно, я совершила ошибку, простите.

В ее голосе Джону почудился легкий акцент. Настолько легкий, что он затруднялся определить его происхождение. Немецкий? Голландский? Или, может быть, французский? Его любопытство разгоралось все сильнее, и он почувствовал, как где-то глубоко внутри поднимает голову мужской инстинкт. Инстинкт охотника.

– Тогда почему?.. – спросил Джон напрямик. – Я что, был похож на человека, который нуждается в дружеском ободрении?

– А вы нуждаетесь?

Он раздраженно фыркнул.

– Может быть. Не знаю. Да.

Брюнетка усмехнулась, как показалось Джону – смущенно.

– Я на вас так пялилась, что... В общем, мне стало немного неловко. Дело в том, что ваше лицо показалось мне знакомым; я была совершенно уверена, что где-то вас видела, но никак не могла припомнить где, а вы поймали меня за этим занятием... – Она покачала головой. – Нет, я совершенно точно вас где-то видела!.. У вас ведь наверняка такое было. Ну когда случайно сталкиваешься с телевизионной знаменитостью, которая так часто мелькает на экране телевизора, что вы начинаете воспринимать этого человека как близкого друга; чувствуете, что *знаете* его и в то же время нет. А потом меня озарило. Вы – знаменитый горнолыжник, двукратный олимпийский чемпион Джон Риттенберг. – Она улыб-

нулась и снова приподняла свой бокал, салютуя ему. – Хочу выпить за вас, Берг-Бомба! Когда-то миллион лет назад я была фанаткой горных лыж. В две тысячи втором я побывала на соревнованиях в Солт-Лейк-Сити и своими глазами видела, как вы завоевали ваше первое золото. До сих пор не могу забыть, в каком восторге я тогда была! А ведь когда двумя годами раньше вы получили травму на Кубке мира, я была в отчаянии. Мы все – все, кто за вас болел, – были уверены, что вы больше никогда не сможете ходить, не говоря уже о том, чтобы кататься на лыжах, но вы не только вернулись в большой спорт, но и выиграли два золота на Олимпиаде... Надеюсь, вы понимаете, почему я на вас так уставилась?.. – Она сделала глоток из бокала, и Джон поймал себя на том, что разглядывает ее губы. – А виски... я просто хотела поблагодарить вас за прекрасное катание, за те минуты восторга, которые вы подарили всем вашим поклонникам.

Джон почувствовал нарастающее возбуждение. Ничего подобного он не испытывал, наверное, с тех пор, когда в двадцать лет выходил на старт. Для этой женщины он – герой. Она *знает* его и гордится своей, пусть и прошлой, причастностью к его спортивным триумфам. И она благодарна ему за все, что он когда-то сделал для своих болельщиков, для своей страны. И вот прошедших лет как не бывало; благодаря этой женщине Джон в один миг оказался внутри магнитного поля огромной напряженности – поля, которое пробудило его примитивные первобытные инстинкты. Он вновь

почувствовал себя живым.

И это пьянило почище любого виски.

Брюнетка склонила голову набок, заглянула ему в глаза, и Джону пришлось податься вперед, чтобы расслышать ее слова за музыкой.

– Честно говоря, Джон, – промурлыкала она, – я уже и забыла о существовании Берга-Бомбы, пока не увидела вас. Так проходит мирская слава, Джон...

Джон криво улыбнулся. Она была так близко, что их руки почти соприкасались.

– Звучит как название старой грустной баллады Спрингстина.

– И все же это горькая правда жизни.

– А вы сами катаетесь?

В кармане Джона завибрировал телефон. Опять Дейзи. Разговаривать с женой ему сейчас не хотелось. Она будет снова твердить, как правильно они поступили, вернувшись в Ванкувер, но все ее доводы – ложь. Пустой треп. Теперь он знал это точно и от этого злился еще больше. Злился в том числе и на Дейзи, а не только на ее отца. Неужели она знала? Могла ли она *не* знать? Она всегда была близка к родителям, особенно к матери, которая вполне могла предупредить, что их возвращение в Канаду может закончиться ничем. Или... Что, если Уэнтворты все это просто придумали? Что, если они хотели, чтобы Дейзи снова очутилась дома, под родительским крылышком, прежде чем ему дадут пинка под зад?

Его сердце забилося чаще, на висках проступила испарина.

– Да.

– Простите, что?..

– Вы спросили, катаюсь ли я, Джон. Да, катаюсь, но довольно посредственно.

– Ах да, конечно. Извините, я отвлекся... Позвольте еще один вопрос: вы местная? Мне показалось, у вас акцент...

– Я родилась в Бельгии, а сейчас живу в Швейцарии. В Штаты и в Канаду я приезжаю по работе.

– И что у вас за работа?

Брюнетка ответила не сразу. Ее оценивающий взгляд скользнул по нему с головы до ног.

– Простите, – быстро сказал Джон. – Я... я даже не знаю, как вас зовут, а уже расспрашиваю о работе.

– Ничего страшного. Меня зовут Миа. Я управляющая банком.

Эти слова произвели на него сильное впечатление. Джон протянул руку.

– Рад познакомиться с вами, Банкир Миа.

Она рассмеялась и пожала протянутую руку. Пальцы у нее были длинными и изящными, кожа – мягкой, прохладной и гладкой, ногти были выкрашены бордовым лаком. Обручального кольца на безымянном пальце не было.

От Мии не укрылся его интерес. Она убрала руку.

– А фамилия у Мии есть?

Она снова заколебалась, и Джон решил не наседать.

– Можете не отвечать, – сказал он. – Пусть будет просто Миа.

И все же теперь ему еще сильнее захотелось узнать как можно больше об этой знойной банкирше, разбудившей в нем зверя, который начал было одомашниваться под давлением лет и комфорта рутины.

– Мне пора. – Миа допила свой коктейль и соскользнула с высокого табурета.

– Не хотите... Может, еще по одной? В кабинке – подальше от сцены, там не так шумно.

Она бросила взгляд на часы, и Джон почувствовал разочарование.

– Я... Хорошо. Только по одной – мне завтра рано вставать.

Вновь воспрянув духом, Джон заказал еще две порции спиртного. Держа бокалы в руках, они перешли в его кабинку, и он подумал, что с Мией ему удивительно легко. Она льстила ему, но так, что лесть не выглядела слишком прямой и не вызывала раздражения. Она обсуждала лыжный спорт и курортную индустрию со знанием дела, и Джон поймал себя на том, что воспринимает ее как родственную душу, а не просто как потенциального сексуального партнера.

В конце концов она все же назвала ему свою фамилию – Райтер. Миа Райтер.

Джон сообщил, что работает в «Терре Уэст».

– Подходящее место для горнолыжника, – рассмеялась она.

Он тоже рассмеялся, потом наклонился ближе.

– Мужчина, с которым вы ужинали, наверное, ваш коллега? – спросила Миа.

– Генри?.. Да. Он давний партнер старины Уэнтворта. Тертый калач.

– Мне показалось, он сообщил вам какие-то не очень приятные известия.

Джон пожал плечами.

– Похоже, на работе у меня появился конкурент. Генри хотел, чтобы я был в курсе.

– И насколько все серьезно?

– Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

Она пристально посмотрела на него, потом сказала:

– Курортный бизнес Лабдена Уэнтворта вырос в крупную международную корпорацию, которая пользуется огромным влиянием в мире. Согласно последним квартальным отчетам, посещаемость курортов в летние месяцы быстро растет. На некоторых курортах, принадлежащих «Терре Уэст», она даже превысила зимнюю.

Джон кивнул.

– Спасибо моде на горные велосипеды.

И снова их взгляды встретились.

– Если верить бизнес-журналам, вы женаты на дочери

Лабдена.

Перед мысленным взором Джона возникло лицо Дейзи. Он вспомнил, каким счастливым себя чувствовал, когда держал ее за руку и смотрел на монитор аппарата УЗИ, на котором шевелился их ребенок, их сын. Что, черт побери, он здесь делает? И на кой черт ему сдалась эта банкирша?

Джон украдкой бросил взгляд на часы, и его сердце пропустило удар. Как поздно!

Миа заметила его движение, и в ее лице что-то неуловимо изменилось.

– Простите, я... я не хотела вас задерживать. Да и мне тоже пора. На сегодня хватит, завтра у меня полно дел. – Взяв в руки сумочку, она встала, собираясь выйти из кабинета.

– Спасибо, Миа, – сказал Джон ей вслед. – Мне... мне это было необходимо.

Она остановилась. Обернулась.

– Что именно?

Его телефон снова завибрировал. Джон сунул руку в карман, и Миа вышла из-за стола.

Телефон продолжал разрываться, и Джон почувствовал, как у него в груди скручивается тугая спираль напряжения. Не раздумывая, он крикнул:

– Постойте, Миа!.. Подождите! Всего секундочку. Мне нужно ответить.

Замешкавшись, Миа все же вернулась за стол, и Джон, с облегчением выдохнув, нажал кнопку ответа.

– Привет, дорогой! – услышал он в трубке голос Дейзи. – У тебя все в порядке? Я беспокоилась.

Джон показал Мие два пальца.

– Пара секунд! – проговорил он одними губами.

– У меня все в порядке, – сказал Джон в трубку. – Погоди-ка, я перейду куда-нибудь, где не так шумно.

Он выскользнул из кабинета. Прижимая телефон к животу, он продрался сквозь толпу клиентов и вышел из паба в вестибюль отеля, где было относительно тихо. Там он снова поднес телефон к уху.

– Прости, любимая, надо было тебе позвонить, но... Как только Генри ушел, в паб приехали несколько парней с работы. Мы обсуждали новый курорт... С ними как раз был эксперт по вопросам охраны окружающей среды, и я решил, что было бы неплохо установить с ним дружеские отношения. Они пока здесь, так что я, наверное, задержусь еще немного. Ты не против? Если надо, я мигом вернусь, ты только скажи и...

– Нет, я... Все в порядке, Джон. Что сказал Генри? Чего он от тебя хотел?

Джон ответил, что все в порядке, пообещал, что расскажет подробности завтра и посоветовал его не дожидаться. Прежде чем он успел дать отбой, в вестибюль вышла Миа.

– Извини, Джон, но завтра мне действительно нужно рано вставать. Спасибо за приятный вечер. – С этими словами она прошла мимо него к выходу. Через несколько мгновений она

уже вышла из отеля в темноту осенней ночи.

Джон ринулся следом, на ходу засовывая телефон в карман.

– Миа! – крикнул он.

Она остановилась на тротуаре и вопросительно посмотрела на него. В ее волосах блестел свет уличных фонарей.

Джон вдруг почувствовал себя неловко. Стараясь справиться со смущением, он засунул обе руки глубоко в карманы.

– Я... Спокойной ночи, Миа. И... спасибо.

Еще несколько мгновений они стояли друг напротив друга. Мужчина и женщина. Никто из них не произносил ни слова, но между ними пульсировал мощный поток энергии. Оба словно балансировали на канате, не зная, что выбрать: то ли поддаться желанию и превратить сегодняшнюю случайную встречу в нечто большее, то ли разбежаться. Джон в нерешительности стоял на месте. Тогда Миа, быстро шагнув вперед, привстала на цыпочки и шепнула ему на ухо:

– До свидания, ДжонДжон Риттенберг! Я очень рада наконец-то встретиться с тобой лицом к лицу. Много лет назад я только об этом мечтала. – И, легко поцеловав его в щеку, она повернулась и быстро пошла прочь.

– Черт!.. – пробормотал Джон себе под нос. Застыв на тротуаре точно истукан, он смотрел ей вслед и не мог не оценить, как соблазнительно покачиваются при каждом шаге ее бедра, как сексуально выглядят ее высокие каблуки,

как колышутся при ходьбе волны ее волос. Его возбуждение переросло в эрекцию, он тяжело дышал и обливался потом, несмотря на ночную прохладу.

Миа свернула за угол здания и пропала из виду.

Джон сглотнул. Он понемногу возвращался к реальности, к звукам ночного города, к холодному ветру с океана. Наконец он настолько пришел в себя, что мысленно возблагодарил того бога или богов, которые правят Вселенной, за то, что не позволили ему совершить ужасную ошибку, а потом вернулся в паб. Джон был уверен, что поступил совершенно правильно, не поддавшись похоти. Он даже почувствовал прилив гордости за собственную непоколебимость, но, подойдя к столику, чтобы забрать счет, увидел на нем салфетку со следами темно-красной помады и снова помрачнел. Это что-то вроде парадокса Шрёдингера с кошкой, думал он. Он и хотел, и *не* хотел увидеть Мию Райтер снова.

Салфетку Джон чуть было не сунул в карман, но все-таки передумал и отправился к бару, чтобы расплатиться.

– Леди уже все оплатила, – сказал ему бармен, когда Джон полез в бумажник, чтобы достать кредитную карточку.

Джон вскинул голову.

– Я имел в виду стейки с гарниром и виски, – сказал он.

– Ну да, все уже оплачено.

– *Все?!* – удивленно переспросил Джон. – Вы ничего не путаете?

– Все, – подтвердил бармен.

Джон повернулся было, чтобы уйти, но вдруг остановился.

– Она платила кредиткой? – спросил он. – Может, тогда у вас остался контакт для выставления счета?..

Бармен понимающе усмехнулся.

– Хорошая попытка, приятель, но леди расплатилась наличными.

Человек с фотоаппаратом

Разговаривая с Мией у входа в отель, Джон Риттенберг понятия не имел, что за ним наблюдают из неприметной машины, припаркованной на другой стороне улицы.

Человек в машине поднял фотоаппарат, выставил телеобъектив в открытое окно и отрегулировал фокус, чтобы запечатлеть не только Риттенберга и женщину, но и название отеля над входом.

Щелк-щелк-щелк...

Вот брюнетка шагнула вперед и поцеловала Риттенберга в щеку.

Щелк-щелк-щелк.

Вот она повернулась и пошла вдоль тротуара, двигаясь непринужденно и легко – с тем особым шиком, свойственным многим женщинам, которых можно встретить на улицах Милана или Парижа. Риттенберг с жадностью смотрел ей вслед, и наблюдатель не сдержал улыбки.

Но вместо того, чтобы пойти за женщиной, Джон вернулся в вестибюль отеля.

Наблюдатель сфотографировал и этот момент.

Опуская фотоаппарат, он подумал, что все могло бы кончиться совершенно иначе, если бы Риттенберг все-таки попробовал догнать брюнетку. Сама она, судя по всему, была несколько не против, но Джон предоставленной ему возмож-

ностью почему-то не воспользовался.

Мэл

1 ноября 2019 г. Пятница

Уже близился вечер, когда Мэл и Бенуа встретились в участке с другими членами группы по расследованию особо тяжких преступлений. Кроме них, за столом для совещаний в рабочем зале сидели дознаватели Арнав Патель и Джек Дафф, полицейский координатор Лула Гриффит и делопроизводитель Гэвин Оливер, который занимался всей связанной с расследованием документацией, включая получение ордеров на обыск и задержание. Группа была небольшой, но надежной, к тому же, кроме этих четверых, в распоряжении Мэл находились отдел криминалистических экспертиз, патрульные нескольких городских полицейских участков, аналитики и специалисты технической поддержки. В случае необходимости Мэл могла довольно быстро подключить всех этих людей к расследованию, но на данном этапе этого пока не требовалось.

Будучи руководителем группы, Мэл села во главе стола. Перед ней стоял ноутбук, а за спиной на стене висел большой экран. В зале было жарко, и к тому же кто-то из присутствующих принес пиццу – теперь в воздухе витали удушли-

вые запахи чеснока, копченой колбасы и разогретого сыра, и Мэл не терпелось поскорее закончить совещание и вернуться к «полевой» работе.

– Итак, на данный момент у нас нет прямых доказательств того, что мы имеем дело с убийством, – сказала она. – Но действовать мы будем исходя из предположения, что убийство все-таки имело место. Пробежимся по фактам... – Она нажала клавишу на ноутбуке, и на экране за ее спиной появилось изображение дома Нортвов. – В этом особняке в фешенебельном районе Западный Ванкувер нами обнаружены следы борьбы и большое количество крови. Официальное название особняка – «Нортвью», но среди соседей он известен как «Стеклянный дом». Патруль прибыл на место по звонку восьмидесятидевятилетней соседки Бьюлы Браун, которая утверждает, что вчера вечером в 23 часа 21 одну минуту ее разбудил громкий женский крик. Следует иметь в виду, что миссис Браун находится на паллиативном уходе и принимает опийсодержащие и другие сильнодействующие препараты. Следовательно, ее свидетельские показания нельзя считать стопроцентно надежными, хотя, по словам миссис Браун, из-за проблем с памятью она записывает все события, произошедшие в течение дня.

Мэл нажала другую клавишу. На экране появилась фотография подъездной дорожки и дома Бьюлы.

– Угловое окно комнаты миссис Браун находится на втором этаже ее дома. – Мэл показала окно на снимке. – Из

него хорошо просматривается подъездная дорожка «Стеклянного дома». По словам свидетельницы, утром в «Стеклянный дом» приехала уборщица из клининговой компании «Помощь Холли». Свой желтый «субару кросстрек» уборщица припарковала на дорожке вот здесь... – Мэл ткнула ручкой туда, где стояла машина. – На передней дверце «субару» имелся логотип компании...

На экране возникло изображение логотипа.

– Любопытно, – продолжала Мэл, – что, по словам свидетельницы, «субару» все еще стоял на прежнем месте, когда в 18 часов 14 минут позади него припарковался темно-серый «ауди», из которого вышли мужчина лет сорока и женщина чуть помладше. Бьюла Браун утверждает, что женщина – брюнетка с длинными волнистыми волосами – находилась на позднем сроке беременности. Мужчину она описывает как высокого, хорошо сложенного, с рыжевато-коричневыми волосами. Женщина держала в руках букет цветов и коробку с пирогом.

Мэл вывела на экран снимок увядшего букета, лежащего на гранитном крыльце рядом с помятой коробкой, из которой вытекал темный ягодный сок.

– По всей вероятности, женщина уронила цветы и коробку на крыльце. В букет была вложена открытка, подписанная некой Дейзи...

Еще один щелчок клавиши, и на экране появилась увеличенная фотография открытки:

Вот и конец нашей свободе.

Удачи тебе, подруга, это был тот еще аттракцион!

Спасибо за поддержку.

Дейзи.

Х

– Обратите внимание: на нижней части открытки имеется логотип «Цветы Би» – цветочного магазина в Пойнт-Грей. Пирог, судя по коробке, был куплен в бистро «Пи» в том же районе.

– Значит, – предположил Арнав, – эта «Дейзи» купила в Пойнт-Грей пирог и букет, а потом в сопровождении мужчины приехала на «ауди» в «Стеклянный дом». Если они прибыли туда в начале седьмого, то, возможно, их пригласили на ужин, а пирог – это десерт. Пара, вероятно, живет в Пойнт-Грей.

– Сразу после совещания мы с Бенуа отправимся туда – зайдем в бистро и цветочный магазин, – сказала Мэл и, двинув мышкой, открыла еще несколько файлов. На экране появились фотографии входной двери и залитой кровью гостиной.

– Никаких следов взлома или насильственного проникновения, – сказала она. – Трупа нет. Дома – никого. Несмотря на холод и дождь, парадная и задняя двери были распахнуты настежь. Внутри – полная иллюминация. Камеры наблюдения были выключены, так что никакими записями о событиях вчерашнего вечера мы не располагаем. – Мэл заглянула

в блокнот. – Владельцы «Стеклянного дома» – Харуто и Ванесса Норт. На данный момент их местонахождение остается неизвестным, но в гараже стоят два люксовых автомобиля, зарегистрированных на их имя.

Некоторое время Мэл продолжала рассказывать группе о том, что еще они с Бенуа обнаружили в «Стеклянном доме». Рассказ она сопровождала фотографиями следов волочения, брызг крови на стене, перевернутой мебели, статуэтки со следами крови из спальни, окровавленной кроссовки с носком возле кровати, ножа для разделки мяса из бассейна и кулона с бриллиантом, найденного в щели между диванными подушками.

Наконец на экране появилась фотография блондинки тридцати с небольшим лет.

– Бенуа, продолжишь?

Бенуа чуть подался вперед. Благодаря комплекции выглядел он внушительно, и внимание присутствующих тут же переключилось на него.

– Миссис Браун утверждает, что видела двух человек в плащах, которые тащили какой-то тяжелый предмет, предположительно – свернутый в трубку ковер, пропавший из гостиной первого этажа. Ковер они погрузили на заднее сиденье «ауди», после чего один человек сел за руль. Его сообщник сел в «субару», затем обе машины покинули место происшествия. Миссис Браун утверждает, что предполагаемые преступники очень спешили. Что касается этой женщи-

ны... – Бенуа показал на изображение блондинки, – это Кит Дарлинг, уборщица, которая приехала в «Стеклянный дом» утром. Фотографию нам предоставила ее работодательница Холли Магуайр – владелица и директор клининговой фирмы «Помощь Холли».

На несколько секунд детективы замерли, внимательно рассматривая снимок.

Дарлинг была довольно привлекательной женщиной, но ее привлекательность была особой. Озорной, чуть лукавый взгляд из-под длинных накладных ресниц и легкая полуулыбка придавали ей такой вид, будто она втихомолку посмеивалась над чем-то, что известно только ей одной. Губы Дарлинг были подкрашены ярко-розовой помадой, а зачесанные наверх светлые волосы собраны в два небрежных пучка, на шее – черная бархотка.

– Холли Магуайр сообщила, что Кит Дарлинг состоит у нее в штате уже восемь лет и является одной из самых надежных и добросовестных работниц. На протяжении последнего полугода с небольшим Кит убиралась в «Стеклянном доме» дважды в неделю. Магуайр подтвердила, что Дарлинг водит желтый «субару кросстрек» с логотипом фирмы на передних дверцах. Кроме того, она заявила, что вчера Кит Дарлинг не отметилась в офисе по окончании рабочей смены и не явилась на корпоратив по случаю Хеллоуина...

Бенуа бросил быстрый взгляд на фотографию и продолжил:

– Родственников у Кит Дарлинг нет – во всяком случае, Магуайр о них ничего не известно. В качестве контактного лица на случай чрезвычайных обстоятельств Кит оставила телефон и адрес своего близкого друга Бун-ми Селима. Когда Холли Магуайр ему позвонила, он сказал, что тоже понятия не имеет, где сейчас находится Кит. Поскольку на телефонные звонки она не отвечала, Селим съездил к ней на квартиру, но и там Дарлинг не оказалось. Желтого «субару» у подъезда также не было, и Селим попытался подать в полицию заявление об исчезновении.

– Похоже, у Кит Дарлинг серьезные проблемы, – заметил Джек.

– И у остальных тоже, – добавила Лула. – Нам до сих пор не удалось обнаружить ни супругов Норт, ни идентифицировать пару, которая приезжала в «Стеклянный дом» на «ауди». А поскольку в деле фигурируют *две* беременные женщины, нынешнее местонахождение и состояние которых неизвестно, приходится предполагать, что... – Она немного помолчала. – ...Что опасность может угрожать и двум еще не родившимся младенцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.